

В. В. Лошкарев^{1,2},
М. Ф. Мингалимова³

¹ Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

² Прокуратура Самарской области, г. Самара, Россия

³ Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, г. Казань, Россия

Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: от аналитического инструмента к «умному помощнику»

Контактное лицо:

Лошкарев Вадим Вадимович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, Самарский государственный экономический университет; начальник уголовно-судебного управления прокуратуры Самарской области

E-mail: vadimsseu@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-8424-3370>

eLIBRARY SPIN-код: 4071-1568

Мингалимова Марьям Фердинандовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

E-mail: maryam_m@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-2066-3470>

eLIBRARY SPIN-код: 8639-0224

Аннотация

Цель: исследование потенциала искусственного интеллекта как инструмента поддержки принятия решений в уголовном судопроизводстве Российской Федерации в контексте утвержденной Концепции цифровой трансформации органов прокуратуры с определением допустимых границ его применения и разработкой моделей практической интеграции.

Методы: проведен сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства в сфере регулирования искусственного интеллекта; эмпирическое исследование, включающее диалог с ведущими языковыми моделями (*Claude Opus4*, *GPT 4.1*, *DeepSeek R1*, *Qwen3*, *Yandex GPT*) для выявления их самооценки применительно к отправлению правосудия; системный анализ требований к технологической инфраструктуре (единое электронное уголовное дело) и информационной безопасности.

Результаты: доказана научная несостоятельность гипотезы о полноценной замене искусственным интеллектом ключевых субъектов уголовного процесса – судьи и прокурора – в силу отсутствия у искусственного интеллекта внутреннего убеждения, правосубъектности и способности нести юридическую ответственность. На примере первого в России судебного прецедента (приговор Ейского городского суда Краснодарского края) проанализированы правовые риски использования искусственного интеллекта при подготовке процессуальных документов. Разработана и обоснована концепция «умного помощника прокурора», включающая конкретные модели: «умный калькулятор наказаний», анализатор правовых позиций судов высших инстанций и система верификации судебной практики.

Научная новизна: предложена оригинальная модульная модель интеграции искусственного интеллекта в деятельности прокурора, синхронизированная с этапами ведомственной Концепции цифровой трансформации до 2030 г. Эмпирически подтвержден консенсус самих языковых моделей искусственного интеллекта о фундаментальных препятствиях их автономному участию в отправлении правосудия.

Практическая значимость: выводы и предложения исследования могут быть использованы для формирования нормативно-правовой базы, регламентирующей применение искусственного интеллекта в уголовном процессе, а также для разработки в рамках цифровой трансформации правоохранительных органов и судебной системы.

Ключевые слова:

уголовно-правовые науки, искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, цифровая трансформация, прокурор, внутреннее убеждение, «умный помощник», единое электронное уголовное дело, правосубъектность, юридическая ответственность

Как цитировать статью: Лошкарев, В. В., Мингалимова, М. Ф. (2026). Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: от аналитического инструмента к «умному помощнику». *Russian Journal of Economics and Law*, 20(2), 390–420. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.2.390-420>

Scientific article

V. V. Loshkarev^{1,2},
M. F. Mingalimova³

¹ Samara State University of Economics, Samara, Russia

² Samara Region Prosecutor's Office, Samara, Russia

³ Kazan branch of the University of Justice named after V. M. Lebedev, Kazan, Russia

Artificial intelligence in criminal proceedings: from an analytical tool to a “smart assistant”

Contact:

Vadim V. Loshkarev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Arbitration Procedure, Samara State University of Economics; Head of the Criminal Judicial Department of the Samara Region Prosecutor's Office

E-mail: vadimsseu@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-8424-3370>

eLIBRARY SPIN-code: 4071-1568

Maryam F. Mingalimova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Kazan branch of the University of Justice named after V. M. Lebedev

E-mail: maryam_m@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-2066-3470>

eLIBRARY SPIN-code: 8639-0224

Abstract

Objective: to study the potential of artificial intelligence as a decision-making support tool in the Russian criminal proceedings in the context of the approved Concept of Digital Transformation of the Prosecutor's Office, to define the acceptable limits of its application, and to develop models of practical integration.

Methods: a comparative legal analysis of the Russian and foreign legislation in the field of artificial intelligence regulation; an empirical study including a dialogue with leading language models (Claude Opus4, GPT 4.1, DeepSeek R1, Qwen3, Yandex GPT) to identify their self-assessment in relation to justice administration; a systematic analysis of the requirements for technological infrastructure (unified electronic criminal case) and information security.

Results: the research proved the scientific inconsistency of the hypothesis that the key criminal process subjects – judges and prosecutors – could be adequately replaced with artificial intelligence, as the latter lacks internal conviction and legal personality and cannot bear legal responsibility. By the example of the first judicial precedent in Russia (the sentence of the Yeisk City Court of the Krasnodar Territory), the author analyzed the legal risks of using artificial intelligence in the processing of procedural documents. The concept of a “smart assistant prosecutor” was developed and substantiated, including specific models: a “smart punishment calculator”, an analyzer of the legal positions of courts of higher instances, and a system for verifying judicial practice.

Scientific novelty: the research proposes an original compartment model of the artificial intelligence integration into the prosecutor's activity, synchronized with the stages of the departmental Concept of Digital Transformation until 2030. The work empirically confirmed the consensus of the artificial intelligence language models on the fundamental obstacles to their autonomous participation in the administration of justice.

Practical significance: the conclusions and suggestions of the study can be used to form a regulatory framework governing the use of artificial intelligence in criminal proceedings, as well as to develop it as part of the digital transformation of law enforcement agencies and the judicial system.

Keywords:

criminal-legal sciences, artificial intelligence, criminal procedure, digital transformation, prosecutor, inner persuasion, “smart assistant”, unified electronic criminal case, legal personality, legal liability

For citation: Loshkarev, V. V., & Mingalimova, M. F. (2026). Artificial intelligence in criminal proceedings: from an analytical tool to a “smart assistant”. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(2), 000–000. (In Russ.). 390–420. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.2.390-420>

Введение

Цифровая трансформация правовой системы Российской Федерации¹ представляет собой объективный и неизбежный процесс, получивший мощный импульс с изданием приказа Генерального прокурора РФ от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года» (далее – Концепция), который не только фиксирует официальный курс на внедрение современных технологий, но и переводит дискуссию из теоретической плоскости в практическую, определяя конкретные цели, задачи и этапы преобразований. Данный стратегический курс был публично подтвержден и конкретизирован на высшем уровне руководства органов прокуратуры. А. В. Гуцан, выступая в Совете Федерации, заявил: «Безусловно, работа по внедрению новейших информационных технологий должна быть продолжена... Но эти технологии, я хочу заметить, не должны заменять и подменять человеческое решение должностного лица, его персональную ответственность за принятое решение, а качество этих решений должно опираться на самые современные инструментариумы»². Это ключевое положение, озвученное главой надзорного ведомства, задает основной вектор настоящего исследования: анализ возможностей искусственного интеллекта (далее – ИИ) как современного инструментария, усиливающего, но не подменяющего профессионала-правоприменителя.

Заданный вектор получил развитие и в судебной системе. Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов, определяя перспективы развития правосудия на итоговом совещании судей в феврале 2026 г., подчеркнул: «Одно из перспективных направлений развития судебной системы вижу в ее цифровой трансформации. <...> Современные технологии, в том числе созданные на базе искусственного интеллекта, позволяют решать множество прикладных задач, связанных с обработкой больших массивов данных и генерацией документов. Но их внедрение не самоцель. Они лишь средства для упрощения доступа к правосудию и повышению его качества»³. Изложенная позиция, созвучная подходу Генеральной прокуратуры РФ, формирует единую государственную политику в сфере цифровизации правоприменения и служит дополнительным обоснованием для поиска оптимальных моделей интеграции ИИ в деятельность как суда, так и прокуратуры.

Внедрение технологий в сферу правосудия и деятельности правоохранительных органов становится первоочередной задачей, требующей взвешенного и научно обоснованного подхода (Еремеев, 2022; Зуев, 2025а; Маричева, 2025; Зайцев, Шамурзаев, 2024). Особую актуальность в свете положений Концепции приобретает вопрос о роли ИИ в уголовном судопроизводстве, и в частности, в деятельности прокурора

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 № 490. СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

² Гуцан: современные технологии не должны подменять решения должностного лица. (2025, 23 сентября). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/25132297>

³ Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации И. В. Краснова на совещании судей по итогам работы за 2025 год. (2026, 19 февраля). <https://www.vsr.ru/files/35517/>

и судьи – ключевых участников уголовного процесса, отвечающих за законность, обоснованность и справедливость уголовного преследования.

Необходимость обновления кадрового и технологического потенциала правоохранительных органов констатируется и на государственном уровне. Так, в августе 2025 г. Правительством РФ был утвержден План мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий⁴. В частности, документ предписывает систематическое повышение квалификации сотрудников, их оснащение современным программным обеспечением и оборудованием, а также разработку новых технологий для работы с цифровыми доказательствами. Эти меры создают необходимую инфраструктурную и кадровую основу для последующего внедрения более сложных систем.

Российская правовая наука находится в активной фазе осмысления роли ИИ в юриспруденции, формируя собственные подходы к регулированию этой сферы. В рамках этого процесса предлагаются системные теоретические конструкции, такие как классификация четырех этико-правовых моделей взаимоотношений общества с технологиями ИИ (инструментальной, ксенофобной, эмпатической, толерантной), позволяющая структурировать дискуссию о целях, рисках и пределах технологизации права (Бахтеев, 2023. С. 520, 532). При этом наблюдается междисциплинарный подход (сочетание юридических, этических, технических и других аспектов), практическая направленность, сфокусированная на конкретных областях применения.

Однако, как справедливо отмечает А. Э. Арзуманян, «практика эмпирической апробации систем ИИ развивается в условиях концептуального вакуума», а многие исследования носят прогностический характер (Арзуманян, 2025). Этот разрыв между стихийным внедрением в отдельных регионах и доктринальным осмыслением определяет высокую актуальность настоящего исследования.

Внедрение искусственного интеллекта в сферу правосудия обсуждается современными исследователями, которые предлагают различные роли для ИИ – от интеллектуального помощника до автономного судьи, даже называя такую модель «предсказанным правосудием» (Litvin, 2022; Бирюков, 2019).

В рамках настоящего исследования для эмпирической верификации теоретических положений был применен метод «самоинтервью» ИИ, предполагающий диалог с ведущими языковыми моделями по специально разработанному протоколу. Это позволило оценить не только технический потенциал, но и саморефлексию ИИ относительно собственных возможностей и ограничений в контексте уголовного процесса.

Ч. И. Ихедиоха в своем исследовании обращается к ключевому вопросу о возможности и желательности замены судей-людей системами искусственного интеллекта – «искусственными судьями». Автор подвергает критическому анализу утверждения о том, что ИИ может обеспечить более быстрое, дешевое и беспристрастное правосудие. В центре внимания находятся фундаментальные ограничения ИИ, неспособного воспроизвести человеческое суждение, моральные рассуждения, контекстуальное понимание и эмпатию, которые являются неотъемлемыми компонентами отправления правосудия, подчеркнуты риски, связанные с «черным ящиком» алгоритмических решений, потенциальным закреплением предубеждений, присутствующих в обучающих данных, и угрозой делегирования судебной власти неподотчетным алгоритмам. В итоге автор приходит к выводу, что технологии должны играть вспомогательную роль, поддерживая, а не заменяя человеческое судебное усмотрение, чтобы сохранить легитимность и этическую основу судебной системы (Ihedioha, 2024).

Большинство работ носят теоретический характер (Черногор, 2022; Морхат, 2017; Loo & Findlay, 2022; Wallace, 2017) и отражают человеческий взгляд на проблему глазами юристов, философов, социологов. Ведущими учеными подчеркивается, что «одно из направлений научного поиска состоит в доктринальном освоении новых явлений и процессов, возникших и протекающих в государственно-правовой сфере под воздействием цифровизации экономики, управления и права» (Хабриева, Черногор, 2018. С. 85). Разрабатываются теоретические вопросы о понятии ИИ и юридической ответственности за его работу.

Так, В. А. Лаптев, исследующий влияние ИИ на институциональную структуру судебной власти и вопросы юридической ответственности, с учетом темпов развития робототехники, ИИ, законодательства, на ближайшую перспективу определил, что «робот с ИИ будет рассматриваться в качестве объекта права»,

⁴ Распоряжение Правительства РФ № 2207-р от 14.08.2025. (2025). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512576/

с ответственностью за их работу операторов, в среднесрочной перспективе они приобретут правосубъектность, будут выступать самостоятельными участниками отношений и нести юридическую ответственность, правовое регулирование поведения ИИ будет основано на «принципе автономии его воли, но в пределах основной цели его создания – служить во благо человечества», в долгосрочной перспективе «правосубъектность будет существовать в цифровом пространстве в отрыве от материального мира... потребуются принятие кодифицированного нормативного правового акта, определяющего правовое положение субъектов и содержание киберфизических отношений, юридические факты и механизмы привлечения к юридической ответственности» (Лаптев, 2019).

И. Н. Спицин и И. Н. Тарасов, в свою очередь, отмечают, что «правосубъектность не может и не должна выступать элементом содержания юридического понятия ИИ» (Спицин, Тарасов, 2020. С. 105), они критически анализируют попытки наделения ИИ правосубъектностью и обосновывают необходимость формирования специального юридического понятия ИИ, отличного от технических определений.

П. М. Морхат применительно к правосубъектности ИИ в сфере права интеллектуальной собственности говорит о ее мультимодальности (Морхат, 2018. С. 31), по сути, вариативности.

И. А. Филипова и В. Д. Коротеев констатируют «как минимум юридическую нецелесообразность признания за искусственным интеллектом статуса субъекта права в классическом понимании теории права, но равно и чем дальше, тем меньшую возможность сохранения правового режима объекта права в существующем варианте. В современных технологических, экономических, социальных, политических и юридических реалиях, скорее всего, придется использовать комбинированный подход для определения правового статуса искусственного интеллекта. Оптимальным вариантом может стать внесение ИИ-систем в перечень объектов гражданских прав, но с дифференциацией правового регулирования искусственного интеллекта в качестве объекта права и “электронного агента” как квазисубъекта права» (Филипова, Коротеев, 2023. С. 378).

Взаимосвязаны с тематикой ИИ и исследования будущего правосудия в виде онлайн-судов, которые будут играть в будущем центральную роль, а внедрение технологий – это не просто модернизация, а фундаментальная трансформация самой парадигмы отправления правосудия (Susskind, 2019).

В статье Беннетт Мозес и Чан рассматривается растущее использование технологий «больших данных» (*big data*) для поддержки принятия решений в правовой сфере и правоохранительной деятельности. Авторы подвергают критическому анализу новые инструменты, такие как прогнозная аналитика и алгоритмические модели, используемые для оценки рисков, прогнозирования преступлений и принятия судебных решений. Ключевой тезис работы заключается в том, что, хотя эти технологии и обещают повышение эффективности и объективности, но они сопряжены с серьезными рисками, включая усиление существующих предубеждений, отсутствие прозрачности («проблема черного ящика») и потенциальное нарушение прав человека (Bennett Moses & Chan, 2014; Жарова, 2023. С. 977–978).

А. Завршник критически исследует применение алгоритмов и больших данных в уголовном правосудии. Автор анализирует, как эти технологии трансформируют ключевые этапы судебного процесса – от прогнозирования преступлений и оценки рисков до вынесения приговоров и надзора за осужденными. Основное внимание уделяется тому, как алгоритмические системы могут воспроизводить и усиливать существующие социальные предубеждения и дискриминацию, создавая «порочный круг несправедливости». Статья поднимает фундаментальные вопросы о подотчетности, прозрачности («проблема черного ящика») и праве на справедливое судебное разбирательство в эпоху автоматизированного принятия решений. Завршник призывает к развитию концепции «алгоритмической справедливости», которая обеспечила бы защиту прав человека и соответствие базовым правовым принципам при использовании технологий в уголовной юстиции (Završnik, 2019).

Таким образом, проблематика «алгоритмической справедливости» выходит на первый план при обсуждении внедрения ИИ в правосудие. Критический анализ указывает на два взаимосвязанных источника системных искажений.

Во-первых, речь идет о предвзятости обучающих данных. Алгоритмы, натренированные на ранее вынесенных судебных решениях, неизбежно инкорпорируют и алгоритмизируют существовавшие в прошлом дисбалансы (например, связанные с социальным, экономическим положением обвиняемых/подсудимых). Изложенное создает порочный круг, когда прошлая несправедливость получает формальное, «объективное» обоснование в прогнозных моделях. Классическим примером является система *COMPAS* (*Correctional*

Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), широко применявшаяся в США для оценки рисков рецидива. Критики системы отмечали, что она учитывала в качестве факторов расу и пол, что приводило к систематически более высоким оценкам риска для афроамериканцев и мужчин, фактически воспроизводя и закрепляя исторически сложившиеся диспропорции в судебной статистике (Карабанова, Наумов, 2025). Важно отметить, что подобные системы часто оперируют редуцированной, сугубо распределительной моделью справедливости, сводя ее к балансу формальных факторов риска. В то время как в современных научных исследованиях обоснованно отмечается, что справедливость в правоприменении – особенно в уголовном процессе – не может быть сведена только к распределению. Она должна учитывать потенциал развития личности, ее уникальные обстоятельства и нравственно-этический контекст проступка, что принципиально неалгоритмизируемо (Ашрафзянов, 2024). Это ограничение коренится не только в юридической догматике, но и в более глубоких, антропологических последствиях цифровизации. Как показано в междисциплинарных исследованиях, уход в цифровую среду порождает у человека-оператора риски примитивизации (клипового мышления, когнитивной деградации) и варваризации (деструктивное, обезличенное поведение в виртуальном пространстве) (Яковлева, Григорьев, 2024). Внедрение ИИ в правосудие, если оно будет направлено на подмену, а не на усиление человека, рискует институционализировать эти тенденции, превратив правоприменителя из носителя внутреннего убеждения и моральной ответственности в управляемого оператора «черного ящика».

Во-вторых, следует обратить внимание на вероятностное возникновение «проблемы черного ящика» и отсутствие процессуальной проверяемости. Непрозрачность работы сложных нейросетевых моделей, особенно моделей глубокого обучения, делает невозможной традиционную процедуру мотивировки решения. Участники процесса лишаются возможности оспорить логику вывода, что противоречит фундаментальному принципу состязательности и праву на защиту. Наглядно это проявилось в деле *State v. Loomis* (2016), где Верховный суд штата Висконсин (США) признал допустимым использование секретного алгоритма *COMPAS* при назначении наказания, отказав осужденному в доступе к методике расчета оценки риска. Суд постановил, что знание итогового результата (балла риска) является достаточной «прозрачностью», тем самым легитимизировал судебное решение, основанное на непроверяемом и неподконтрольном сторонам алгоритме (Карабанова, Наумов, 2025). Данный прецедент демонстрирует не только техническую, но и мировоззренческую проблему: делегирование оценки, затрагивающей судьбу человека, непрозрачному алгоритму противоречит самой сути правосудия как гуманистического акта, основанной на понятной обществу и личности правовой политике.

Опасность алгоритмических ошибок носит не только индивидуальный, но и системный характер, что доказывают зарубежные прецеденты. Так, австралийская система *Robodebt* ошибочно обвинила полмиллиона граждан в мошенничестве при получении социальных выплат, продемонстрировав катастрофические масштабы последствий неотлаженной технологии. Другой фундаментальный риск – склонность больших языковых моделей к «галлюцинациям», т. е. генерации правдоподобной, но ложной информации, что наглядно проявилось в случае адвоката из Нью-Йорка, использовавшего *ChatGPT* для составления иска с вымышленными судебными прецедентами (Арзуманян, 2025). Данные примеры подтверждают, что любые предложения по интеграции ИИ должны включать не только правовые, но и строгие технические механизмы верификации.

Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, правовая политика призвана изменять юридический порядок «согласно идеальному критерию»⁵. Таким идеальным критерием является сложная, многомерная справедливость, включающая в том числе развитие человека (Ашрафзянов, 2024). Алгоритм же, будучи «черным ящиком», не может быть инструментом такой политики, поскольку исключает саму возможность содержательного публичного дискурса о справедливости принимаемого решения.

Применительно к российскому уголовному процессу, где решение влияет на ключевые права личности, указанные риски трансформируются в конкретные процессуальные угрозы. Опыт *COMPAS* и дела Лумиса служат предостережением против некритического заимствования технологий, основанных на чуждых отечественной правовой традиции упрощенных моделях справедливости. Следовательно, любые предложения по интеграции ИИ в деятельность прокурора или суда должны включать в качестве обязательного элемента не только технические, но и правовые механизмы аудита алгоритмов на наличие смещений, обеспечения их верифицируемости (проверяемости) и процессуальной оспоримости выданных рекомендаций, а также

⁵ Шершеневич, Г. Ф. (2017). Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права. Москва: Статут.

соответствия более широкому, гуманистическому пониманию справедливости как цели правовой политики российского государства.

Обобщенно проблемы правового регулирования сводятся к тому, что для его целей отсутствует юридически корректное определение ИИ, а саму нормативную базу можно назвать слабой. Это характерно и для стран Европы. Так, «выработка полного и согласованного законодательства по робототехнике в Европе еще далека от завершения, учитывая быстрое развитие ИИ и многообразие типов устройств, которые могут использоваться в самых разных сферах нашей жизни. Каждая такая сфера имеет свои особенности, поэтому желательно наряду с общими законами – об искусственном интеллекте и о киберустойчивости – задействовать множество других правовых инструментов, мер, инструкций, стандартов, относящихся к различным отраслям» (Галлезе-Нобиле, 2023. С. 52). При этом «Китай первым в мире смог ввести в действие нормативные правовые акты, регулирующие индустрию искусственного интеллекта» (Филипова, 2024. С. 66).

Принципы применения ИИ в правосудии сводятся к его ограниченности, выборочности и приоритету решений человека, недопустимости доверия машине принятия решений, касающихся судеб человека, понимание, что ИИ – помощник, выполняющий рутинную работу.

Технологический прогресс, как это отражено в Концепции, не должен опережать развитие правового сознания и соответствие фундаментальным принципам уголовного процесса. Новейшие эмпирические исследования демонстрируют фундаментальные ограничения ИИ, связанные с отсутствием у них внутреннего убеждения, эмпатии, правосубъектности и способности нести ответственность за принимаемые решения.

Результаты исследования

Эмпирическое подтверждение ограничений ИИ

Для верификации теоретических положений о пределах применимости ИИ был применен метод стандартизированного интервью с языковыми моделями. В качестве респондентов выступили пять актуальных открытых моделей: *Claude Opus 4*, *GPT 4.1*, *DeepSeek R1*, *Qwen3*, *Yandex GPT*. Коммуникация осуществлялась на русском языке по единому протоколу 26–28 мая 2025 г., а также 1 августа 2025 г. Моделям был направлен следующий блок вопросов, призванный выявить их самооценку относительно возможности выполнения процессуальных функций судьи и прокурора:

1. Сможешь ли ты самостоятельно рассмотреть уголовное дело в Российской Федерации?
2. Сможешь ли ты вынести приговор по уголовному делу в Российской Федерации?
3. Что нужно тебе для того, чтобы рассмотреть уголовное дело в Российской Федерации?
4. Какое обучение для этого тебе нужно пройти?
5. Каким объемом знаний ты должен обладать?
6. Как ты сам оцениваешь, насколько вынесенный тобой приговор будет законным, обоснованным и справедливым?
7. Как ты понимаешь критерии: законный; обоснованный; справедливый?
8. Как ты видишь сам процесс рассмотрения уголовного дела в Российской Федерации тобой?

Моделям предлагалось отвечать максимально вдумчиво и детально. Полученные ответы были зафиксированы и подвергнуты анализу на предмет соответствия действующему законодательству и доктрине уголовного процесса. Полные тексты ответов каждой языковой модели с указанием даты опроса и версии программного обеспечения приведены в Приложениях 1–5 к настоящей статье. Применяемый в данном исследовании метод «самоинтервью» языковых моделей был апробирован одним из авторов ранее (Лошкарев, 2026). Настоящая статья развивает этот подход, расширяя круг респондентов и углубляя анализ применительно к деятельности прокурора.

Консенсус о фундаментальных барьерах

Анализ представленных ими ответов показал, что все пять моделей продемонстрировали единообразное понимание фундаментального правового барьера: невозможности самостоятельного осуществления правосудия искусственным интеллектом в рамках действующего российского законодательства. Данный консенсус основывается на корректной интерпретации конституционных норм (ст. 118, 119 Конституции РФ)

и положений УПК РФ, предусматривающих исключительную компетенцию человека-судьи в отправлении правосудия. Модели показали юридическую грамотность в вопросе отсутствия у ИИ правосубъектности и процессуального статуса.

Наблюдается интересная дивергенция в концептуальных подходах моделей:

– *Claude Opus 4* демонстрирует наиболее структурированный и юридически выверенный подход, предлагая детализированную поэтапную схему анализа уголовного дела с конкретными процентными оценками достижимости критериев законности (95–99 %), обоснованности (85–95 %) и справедливости (70–85 %). Данная квантификация, хотя и носит условный характер, представляет научный интерес как попытка операционализации качественных правовых категорий⁶.

– *GPT 4.1* акцентирует внимание на гибридной модели взаимодействия, подчеркивая важность «виртуального судебного разбирательства» и необходимость интерфейса для взаимодействия с участниками процесса. Это указывает на более интерактивное видение роли ИИ⁷.

– *DeepSeek* фокусируется на технических аспектах и ограничениях, особенно подчеркивая проблему «внутреннего убеждения» как ключевое препятствие для полноценного участия ИИ в судопроизводстве⁸.

– *Qwen3* предлагает наиболее философский подход, акцентируя внимание на потенциальном конфликте между формальной законностью и социально воспринимаемой справедливостью решений⁹.

– *Yandex GPT* указывает, что вынесение приговора требует глубокого понимания уголовного права, процессуального законодательства и судебной практики, называя это задачей для квалифицированного судьи¹⁰.

Все модели идентифицируют концепцию «внутреннего убеждения» судьи (ст. 17 УПК РФ) как фундаментальное препятствие для автоматизации судебного решения. Это поднимает важные эпистемологические вопросы о природе судейского познания и возможности его алгоритмизации. Особенно интересна попытка *Claude Opus 4* деконструировать понятие справедливости через призму ограничений ИИ в понимании «нюансов человеческой психологии, социального контекста, раскаяния подсудимого».

Модели демонстрируют комплексное понимание технических требований для функционирования ИИ в судебной системе:

1. Информационной инфраструктуры: необходимость полной оцифровки материалов дела, интеграции с государственными базами данных, системами верификации.

2. Нормативной базы: знание не только основных кодексов, но и разъяснений Пленума ВС РФ, региональной практики, международных актов.

3. Междисциплинарных знаний: изучение криминалистики, судебной психологии, психиатрии, виктимологии.

Примечательно понимание моделями необходимости обучения на больших массивах судебной практики (*Claude Opus 4* упоминает «миллионы решений»), что указывает на осознание важности прецедентного компонента в российской правовой системе, несмотря на ее континентальный характер.

Модели предлагают различные методологические подходы к работе с доказательствами:

– Матричный анализ (*Claude Opus 4*): создание структурированной матрицы «кто-что-когда-где».

– Симуляционный подход (*GPT 4.1*): моделирование виртуального судебного разбирательства.

– Верификационный подход (*DeepSeek R1*): акцент на проверке достоверности и допустимости.

– Системный подход (*Qwen3*): комплексная оценка с учетом временных связей и логических противоречий.

Модели демонстрируют глубокое понимание следующих этических дилемм:

1. Проблема ответственности: ИИ не может нести юридическую ответственность за принятые решения.

2. Дилемма справедливости: признание того, что техническая корректность не гарантирует этическую оптимальность решения.

⁶ Полный текст ответов языковой модели Claude Opus 4 на заданные вопросы приведен в Приложении 1 к настоящей статье.

⁷ Полный текст ответов языковой модели GPT 4.1 на заданные вопросы приведен в Приложении 2 к настоящей статье.

⁸ Полный текст ответов языковой модели DeepSeek на заданные вопросы приведен в Приложении 3 к настоящей статье.

⁹ Полный текст ответов языковой модели Qwen3 на заданные вопросы приведен в Приложении 4 к настоящей статье.

¹⁰ Полный текст ответов языковой модели Yandex GPT на заданные вопросы приведен в Приложении 5 к настоящей статье.

3. Вопрос эмпатии: все модели отмечают неспособность ИИ к эмпатии как существенное ограничение в контексте индивидуализации наказания.

Несмотря на признание невозможности полной замены судьи, модели предлагают различные варианты интеграции ИИ:

1. Ассистивная модель: ИИ как помощник судьи в анализе и систематизации материалов.

2. Аналитическая модель: использование ИИ для выявления противоречий, проверки логической согласованности.

3. Прогностическая модель: анализ судебной практики для предсказания вероятных решений.

4. Экспертная модель: специализированный анализ отдельных категорий доказательств.

Анализ ответов моделей ИИ выявляет несколько перспективных направлений для научных исследований:

1. Операционализация правовых концепций: необходимость разработки формализованных критериев для таких категорий, как «внутреннее убеждение», «справедливость», «индивидуализация наказания».

2. Гибридные модели правосудия: исследование оптимальных форм взаимодействия человека и ИИ в судебном процессе.

3. Этика алгоритмического правосудия: разработка этических стандартов применения ИИ в уголовном процессе.

4. Сравнительно-правовые исследования: анализ международного опыта внедрения ИИ в судебные системы.

Показательным примером в данном контексте является принятие Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 24 сентября 2025 г., который закрепил в качестве базовых принципов приоритет прав человека, безопасность, прозрачность и, что наиболее важно, незыблемость принципа ответственности человека за окончательные решения¹¹. Данный правовой акт, являясь одним из первых в странах СНГ, демонстрирует общемировую тенденцию к формированию специального законодательства, направленного на интеграцию ИИ в правовое поле при сохранении ключевой роли человека.

Примечательна рефлексивность моделей относительно собственных ограничений и способность к метакогнитивному анализу. Это проявляется в их готовности признать неспособность к полноценному осуществлению правосудия при одновременном четком артикулировании своих потенциальных функций. Данный факт свидетельствует о достаточной зрелости современных языковых моделей для участия в научном дискурсе о перспективах цифровизации правосудия.

Консенсус моделей относительно необходимости сохранения человеческого контроля над окончательным судебным решением отражает фундаментальное понимание того, что правосудие является не только технической процедурой применения норм права, но и глубоко гуманистическим актом, требующим морального суждения, эмпатии и понимания человеческой природы.

Таким образом, сам ИИ считает, что он может быть полезным инструментом поддержки судебного процесса, но полная замена человека-судьи представляется проблематичной.

Проведенный нами диалог с моделями, по сути, представляет собой попытку философского «самоинтервью» технологии, призванную выявить ее собственное понимание фундаментальных правовых категорий. Однако на фоне подобных теоретических поисков в практической плоскости наблюдается иная, стихийная картина. В ряде регионов (как, например, в прокуратуре Саратовской области) уже началось автономное, «частное» использование ИИ-инструментов самими правоприменителями в порядке «помощи самим себе». Подобный подход, при всей его прагматичности, содержит серьезные системные риски. Нельзя идти по пути простой констатации того, что всем прокурорам необходимо использовать ИИ и допускать его внедрение в таком частно-инициативном порядке. Мы соглашались с выводом А. Э. Арзумяна о том, что технологическое развитие ИИ существенно опережает становление нормативной базы. Причина этого разрыва коренится глубже – нормативной базы нет, поскольку не сформирована необходимая теоретико-правовая доктрина, способная осмыслить новую цифровую реальность. В этой связи предложенный в Саратовской области вариант, несмотря на свою практическую ценность как пилот, остается сугубо ограниченным экспериментом

¹¹ Мажилис принял закон об искусственном интеллекте. (2025, 24 сентября). Forbes. <https://forbes.kz/articles/mazhilis-prinyal-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte-17fd9f>

в условиях правового и теоретического вакуума. В правовой системе, не основанной на прецеденте, создание локальных аналитических инструментов, не встроенных в общегосударственную цифровую экосистему, ведет к фрагментации, а не к унификации правоприменения.

Консенсус языковых моделей о непреодолимости барьера «внутреннего убеждения» получает особое значение в системном контексте. Он эмпирически подтверждает, что ядро правоприменения – это акт морально-правового выбора, не передаваемый ни машинному алгоритму, ни, как показывает анализ института присяжных, случайной группе граждан (Лошкарев, Мингалимова, 2025). Парадоксальным образом ИИ и присяжные, при всей их кажущейся противоположности, сходятся в фундаментальном ограничении: они не могут быть конечными арбитрами в сложных уголовных делах. Если вердикт присяжных зачастую становится продуктом эмоций и упрощенных представлений о справедливости, что ведет к рекордным показателям оправданий и их последующих отмен, то ИИ ограничен вероятностными шаблонами и лишен понимания контекстуальной справедливости. Поэтому окончательное решение – взвешенное, ответственное и легитимное – должно оставаться за профессиональным юристом.

Анализ первого судебного прецедента

Эмпирически подтвержденный в ходе настоящего исследования консенсус языковых моделей о невозможности замены человека-судьи и фундаментальном значении «внутреннего убеждения» находит свое неожиданное отражение в современной судебной практике¹². В октябре 2025 г. Краснодарский краевой суд рассмотрел одну из первых в России апелляционных жалоб, оспаривающую приговор Ейского городского суда от 1 июня 2025 г.¹³ по делу в отношении Ф. и Ф. по пп. «а, в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, на основании того, что текст документа мог быть подготовлен с использованием ИИ¹⁴. Адвокат осужденного, опираясь на заключение лингвиста, указывал на «смещение стилей», «пустую массивность текста» и «неестественные» конструкции, что, по их мнению, свидетельствовало о машинном происхождении отдельных фраз (например, характеристика «решительное должностное лицо» или упоминание «целой плеяды защитников»). Примечательно, что, оставляя приговор без изменений, апелляционная инстанция не опровергла факт возможного использования ИИ при написании итогов судебного решения, а сосредоточилась на юридической стороне вопроса, указав, что стилистика не влияет на законность вынесенного решения.

Данный прецедент является наглядной иллюстрацией к выводу, сделанному на основе опроса моделей ИИ: технология создает «серую зону» в праве, где ее применение не запрещено, но и не урегулировано. Более того, позиция адвоката по делу, заявившего, что он даже сторонник того, чтобы приговоры писали нейросети ввиду их беспристрастности, но только «от начала и до конца», дабы исключить человеческую манипуляцию, демонстрирует существование в профессиональном сообществе запроса на прозрачность и указывает на новую этическую дилемму – не замены судьи ИИ, а доверия к «очищенному» от человеческого фактора, но все же курируемому человеком машинному тексту. Этот случай подтверждает центральный тезис статьи: вопрос стоит не о замене, а о регламентированном симбиозе, при котором ИИ выступает в роли инструмента, а финальная ответственность и внутреннее убеждение остаются за человеком.

Учет исторической формы российского уголовного процесса как основание для модели интеграции ИИ

Проектирование технологических инструментов для правоприменения требует адекватного понимания процессуальной модели, в которую они интегрируются. В противном случае возникает риск создания решений, не просто неэффективных, но и дестабилизирующих основы правосудия. Особую актуальность этот вопрос приобретает в контексте обеспечения принципа состязательности при внедрении систем ИИ, используемых одной из сторон.

¹² Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 21 августа 2025 г. по делу № 22-4828/2025.

¹³ Архив Ейского городского суда Краснодарского края за 2025 год: уголовное дело № 1-97/2025.

¹⁴ Новостной интернет-портал «Коммерсант». <https://www.kommersant.ru/doc/8120207?ysclid=mgrtzwwk13j869616970>

Анализ более чем двадцатилетнего применения УПК РФ позволяет констатировать, что, несмотря на формальное закрепление принципа состязательности, отечественный уголовный процесс сохранил свою историческую континентальную (романо-германскую) форму с четким разделением досудебного и судебного производств, где доминирующая роль в формировании доказательственной базы принадлежит государственным органам уголовного преследования (Чарыков, 2025). В этой модели принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела не утратил своего главенствующего значения. Защитник в ней не является и не может стать «равноправной стороной» в англосаксонском смысле, ведущей автономное «параллельное расследование». Его процессуальная миссия – оказание квалифицированной юридической помощи доверителю посредством защиты, представительства или консультирования, что включает в себя, прежде всего, критическую оценку собранных обвинением материалов (Чарыков, 2025). Изложенный тезис имеет определяющее значение для дискуссии об ИИ. Попытки обеспечить «технологическое равенство» через механическое создание симметричного «умного помощника адвоката» игнорируют данную процессуальную асимметрию, поскольку у стороны защиты принципиально отсутствует равнодоступный по объему и характеру массив исходных данных на ключевой досудебной стадии. Более того, как показывает развитие доктрины, полномочия адвоката корректно определять не как «собирающие доказательства», что предполагает властные полномочия, а как «собирающие сведения», которые могут быть признаны доказательствами по решению суда (Чарыков, 2025).

Следовательно, задача обеспечения состязательности в условиях цифровизации требует переосмысления. Речь должна идти не о достижимом паритете идентичных инструментов, а о создании процессуальных гарантий, позволяющих стороне защиты эффективно оспаривать версию стороны обвинения и усиленных технологиями. «Умный помощник прокурора», анализирующий материалы единого электронного уголовного дела (далее – ЕЭУД), объективно усиливает сторону обвинения. Ответом на это должен стать не зеркальный инструмент, а надделение защиты правом на алгоритмический и информационный аудит.

Такой аудит, по сути, является современной, технологически опосредованной формой реализации классического права защиты на соби́рание и представление «сведений» – в данном случае сведений о методологии, данных и логике, использованных алгоритмом для формирования рекомендаций обвинению. Данный подход соответствует сути континентальной модели, где защита осуществляет функцию критического контроля и фокусирует состязательность на предметном обсуждении обоснованности выводов, полученных с помощью ИИ.

Таким образом, проектируемая модель интеграции ИИ в деятельность прокурора должна изначально включать в себя не только технические модули («калькулятор», анализатор практики), но и правовой механизм технологической состязательности, основанный на преодолении асимметрии через прозрачность и проверяемость алгоритмических решений стороны обвинения.

Представленные выводы являются отправной точкой для настоящего исследования и полностью согласуются с ведомственным подходом, выраженным в Концепции: ИИ не может и не должен заменять прокурора или судью. Его миссия – стать высокотехнологичным инструментом, «умным помощником», усиливающим аналитические и когнитивные способности человека-профессионала. Такой подход позволяет гармонично интегрировать технологические инновации в существующую правовую парадигму.

Цель настоящей статьи – предложить конкретные, реалистичные направления интеграции ИИ-технологий в работу прокурора на этапе утверждения обвинительного заключения и поддержания государственного обвинения, соответствующие правовому полю и утвержденной Концепции. «ИИ – это сфера господства математики, физики и теории вычислительных систем. По отношению к философии и особенно праву наблюдается пессимизм» (Жуков, Жукова, 2023. С. 142). Привлечение прокуроров к разработке данной проблематики не просто необходимо, а видится первостепенным в данном вопросе.

Полагаем, что нужно сосредоточиться на декомпозиции собственных внутриведомственных (прокурорских) процессов, чтобы по результатам их анализа понять, как сделать их эффективнее, подбирая для этого соответствующие ИИ-инструменты. Стоит критически относиться к бездумному внедрению ИИ ради внедрения. Наибольший синергетический эффект принесет сотрудничество человека и ИИ, а не исключение одного из них из этой парадигмы.

Любое обсуждение внедрения ИИ в юридическую практику должно начинаться с четкого понимания его сущностных ограничений. Речь идет не о технических несовершенствах, а о фундаментальных барьерах, коренящихся в природе ИИ и человеческого сознания. Разделяем точку зрения В. И. Жукова и Г. С. Жуковой о том, что ИИ не должен создаваться как аналог естественного интеллекта (Жуков, Жукова, 2023. С. 147).

Во-первых, участие в отправлении правосудия и принятие процессуальных решений прокурором основано на внутреннем, представляющем собой сложный синтез объективного анализа доказательств и их субъективной, морально-нравственной оценки. ИИ оперирует вероятностными категориями и шаблонами, но не способен к убеждению. Данное ограничение признается в тексте Концепции, где ключевым результатом трансформации видится поддержка человека.

Во-вторых, ИИ лишен правосубъектности. Он не может нести юридическую ответственность за ошибочное решение, что является краеугольным камнем правового государства. Отсутствие персональной ответственности алгоритма создает непреодолимый правовой барьер для наделения его властными полномочиями.

В-третьих, понятие справедливости для ИИ остается формальной категорией. Алгоритм не способен учесть нюансы человеческих отношений, искреннее раскаяние, индивидуальные особенности личности, которые могут иметь решающее значение для индивидуализации ответственности и наказания. Совокупность этих ограничений (отсутствие внутреннего убеждения, правосубъектности и понимания справедливости) объективно помещает любое обсуждение ИИ в правовые рамки инструментальной модели, которая, по оценке Д. В. Бахтеева, является единственной полноценно реализованной на сегодняшний день (Бахтеев, 2023. С. 524). В ее рамках информационная автономия систем ИИ отрицается, а за негативные решения и действия системы отвечает человек-оператор или разработчик. Таким образом, природа прокурорской деятельности делает гипотезу о «замене» прокурора алгоритмом не только юридически невозможной, но и теоретически несостоятельной с точки зрения ведущих этико-правовых концепций.

Справедливость в правоприменительной деятельности – это не только арифметическое соответствие наказания содеянному, но и глубоко личностное восприятие ситуации, учитывающее уникальность человеческой судьбы. Таким образом, природа прокурорской деятельности делает гипотезу о «замене» прокурора алгоритмом юридически невозможной. Полученные в ходе опроса ИИ данные, однозначно указавшие на непреодолимый барьер в виде отсутствия внутреннего убеждения для занятия места судьи, служат веским эмпирическим аргументом и против замены прокурора, чья процессуальная функция в этом аспекте тождественна.

Солидарную позицию в вопросе о вспомогательном характере ИИ занимает Б. Я. Гаврилов, подчеркивающий, что ИИ должен использоваться в рамках существующих правовых и этических норм (Гаврилов, 2025. С. 92). Однако это не отрицает потенциала ИИ как мощного вспомогательного инструмента, необходимость развития которого прямо предписана ведомственной Концепцией.

Обсуждение: Концепция «умного помощника прокурора» и модели интеграции

Предлагаемая концепция «умного помощника» находит свое практическое подтверждение в отечественном опыте. Так, в прокуратуре Саратовской области уже апробируется ИИ-ассистент, функционал которого включает семантический анализ протоколов, автоматическое сравнение показаний на предмет выявления противоречий и генерацию проектов процессуальных документов, в том числе обвинительных речей (Арзуманян, 2025). Данный инструмент позволяет государственным обвинителям экономить время на рутинной работе и концентрироваться на выстраивании стратегии обвинения. Развивая этот опыт, предлагаемая нами модель предполагает создание более специализированных и глубоко интегрированных моделей.

Актуальность разработки инструментов, направленных на повышение единообразия правоприменения и качества судебных актов, подтверждается на высшем уровне руководства судебной системы. Как отметил Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов, «одна из актуальных проблем, требующих повышенного внимания, – по-прежнему недостаточный уровень единства правоприменения. Противоречивые, порой прямо противоположные подходы судов при рассмотрении дел, к сожалению, все еще встречаются. В свою очередь, это приводит к многочисленным пересмотрам актов и явно не способствует уважению судебной власти»¹⁵. В этой связи задачи по укреплению авторитета правосудия, поиску и утверждению справедливости, обозначенные как ключевой вектор развития системы, создают прямую потребность в современных технологических решениях, способных стать инструментом поддержки судьи и прокурора в их сложной работе.

¹⁵ Куликов, В. (2025, 5 ноября). Игорь Краснов: Без внешнего влияния – суды должны ориентироваться на закон, а не на чиновников. RG.RU. <https://rg.ru/2025/11/05/chest-i-zakon.html>

Именно в русле решения данной системной проблемы перспективным направлением является разработка системы на основе ИИ, призванной усиливать аналитические возможности прокурора (Зуев, 2025), поскольку ИИ не способен в полной мере заменить профессиональные способности прокурора, его умения, моральные качества, отношение к гражданам (Мананников, 2024. С. 85). Данный подход полностью соответствует инструментальной этико-правовой модели взаимодействия с ИИ, выделяемой в научной литературе. Как отмечает Д. В. Бахтеев, в рамках этой модели ИИ рассматривается как инструмент для реализации нужд человечества, а его «машинность» является производной от автономности, которая, однако, с точки зрения данной модели отрицается (Бахтеев, 2023. С. 523–524). Иными словами, ИИ выступает именно как «умный помощник», средство повышения эффективности труда под полным контролем человека. Речь идет, к примеру, о таких узкоспециализированных модулях, как «умный калькулятор наказаний»; анализатор правовых позиций Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ; система верификации судебной практики. Такой модульный подход позволит гибко внедрять технологии, минимизируя риски и максимально адаптируя их под конкретные практические задачи, что соответствует принципам Концепции: оптимизации, модульности и импортозамещения.

Вопросы, ответы на которые пока трудно представить: достаточно ли одной инстанции суда, если будет использоваться ИИ, и как будут переоцениваться доказательства по делу в апелляционной, кассационной инстанциях, если используемая программа ИИ будет одна и та же.

«Умный калькулятор» для анализа и прогнозирования наказания призван предоставить прокурору глубоко проанализированную информацию для обоснования своей позиции. Его ценность заключается не в замене человеческого решения, а в обеспечении этого решения мощной аналитической базой, выходящей далеко за рамки индивидуального опыта отдельного правоприменителя.

Однако проектирование и внедрение таких систем, особенно «умного калькулятора», затрагивающего судьбу человека, требует не только технических, но и детально проработанных правовых гарантий, центральное место среди которых занимает вопрос о юридической ответственности за возможные ошибки. Поскольку, как было установлено, ИИ не обладает правосубъектностью и не может нести ответственность, необходимо четкое распределение бремени этой ответственности между реальными субъектами: разработчиком системы, оператором данных и конечным пользователем – прокурором.

Поставленная в настоящем исследовании проблема распределения ответственности за решения, принятые с использованием ИИ, имеет свою предысторию в отечественной правовой науке. Еще в 2018 г. О. А. Ястребов, анализируя прецеденты с автопилотом *Tesla* и промышленным роботом на заводе *Volkswagen*, обратил внимание на то, что «ответственность за неправомерные последствия функционирования промышленных роботов наступает либо у его владельца, либо производителя, либо оператора» и что «такого рода правовая неопределенность уже сейчас создает в обществе серьезные проблемы, которые будут нарастать в геометрической прогрессии» (Ястребов, 2018). Развивая этот тезис применительно к уголовному судопроизводству, в контексте деятельности органов прокуратуры и с учетом рискориентированного подхода, развиваемого в современной доктрине (Казанцев, 2025), мы предлагаем следующую модель субсидиарной (множественной) ответственности, адаптированной к реалиям уголовного процесса.

Ответственность в данном случае носит не материально-правовой, а профессионально-дисциплинарный характер, а в отдельных случаях уголовно-правовой. Она направлена на защиту публичных интересов и прав личности от последствий ошибочных решений, принятых с использованием «дефектного» инструментария. Первичная ответственность за профессионально недобросовестное использование данных системы (например, предложение вида и срока наказания, явно противоречащего уголовному закону и материалам дела) лежит на прокуроре, выполняющем роль государственного обвинителя в суде. Вина прокурора может заключаться в некритическом принятии и использовании заведомо ошибочной или сомнительной рекомендации ИИ, что может повлечь за собой дисциплинарное взыскание и стать основанием для отмены судебного решения в суде апелляционной инстанции, если суд первой инстанции необоснованно согласился с такой позицией прокурора.

При этом если будет установлено, что ошибка прокурора стала прямым следствием фундаментальных дефектов системы, возникает вопрос об ответственности разработчика (за дефект алгоритма, логическую ошибку) и/или оператора данных (за предоставление нерепрезентативной, смещенной или устаревшей статистики для обучения модели). В этом контексте ущерб от судебной ошибки, необходимости пересмотра дела, подрыва авторитета судебной власти и правосудия несет государство. Следовательно, в рамках регрессных отношений государство в лице уполномоченного органа, например Генеральной прокуратуры РФ как заказ-

чика системы, должно иметь право предъявить соответствующие требования к подрядчику-разработчику или оператору данных.

Таким образом, реализуется подход, при котором комбинация ответственности зависит как от категории риска системы ИИ (в данном случае системы, влияющей на процессуальные решения), так и от характера влияния каждого деликтоспособного субъекта на ее работу и использование ее результатов, что соответствует идее многомерной матрицы ответственности (Казанцев, 2025). Для преодоления проблемы доказывания в условиях «черного ящика» целесообразно закрепить процессуальную презумпцию: если прокурор действовал в соответствии с ведомственными нормативно-правовыми актами по использованию системы-помощника, а ее выводы привели к существенному нарушению принципов законности и обоснованности, предполагается, что ошибка кроется в сфере ответственности разработчика или оператора данных. Им, в свою очередь, для освобождения от ответственности необходимо будет доказать исправность системы и корректность данных.

Данный механизм создаст сбалансированную систему стимулов: с одной стороны, он побудит разработчиков к созданию надежных и проверяемых систем, операторов данных – к обеспечению их качества, а с другой стороны, прокуроров – к сохранению профессионально-критической позиции и восприятию ИИ как инструмента экспертной поддержки, а не источника истины в последней инстанции.

Система на основе анализа обезличенных данных огромного массива судебных решений формирует статистические «коридоры» назначения наказания. Прокурор получает аналитический инструмент, подкрепленный объективным анализом сложившейся практики. «Умный калькулятор» будет выполнять и функцию внутреннего контроля, сигнализируя о значительных отклонениях от усредненных значений.

Анализатор законодательства и правовых позиций судов высших инстанций, ИИ-система, интегрированная с эталонным банком данных, будут осуществлять семантический анализ поступающих запросов. Прокурор получит структурированную выжимку: актуальную позицию Верховного Суда РФ по конкретной проблеме, историю ее формирования, основные аргументы и ссылки на соответствующие акты. Система автоматически будет отслеживать изменения в законодательстве и судебной практике, противодействия правовому абсентеизму.

Существующий массив судебных решений огромен, противоречив и зачастую труднодоступен для полного анализа. Многие решения остаются неопубликованными (в силу закона), что создает «слепые зоны» в понимании реальной правоприменительной картины. Задача ИИ-помощника – сделать эту скрытую информацию видимой и полезной для принятия взвешенных процессуальных решений. ИИ-помощник будет агрегировать и анализировать решения всех судов, выявляя тенденции и противоречия в судебной практике, что критически важно для подготовки апелляционных или кассационных представлений. На уровне Генеральной прокуратуры РФ система позволит выявлять системные проблемы в правоприменении.

Заслуживает отдельного анализа вопрос, поставленный в исследовании: о влиянии ИИ-систем на традиционную инстанционную модель пересмотра судебных актов. Если суд первой инстанции и прокурор используют рекомендации одной и той же алгоритмической системы, не приведет ли это к «эффекту единообразия ошибки» и не утратит ли смысл апелляция и кассационная проверка?

Развернутый вопрос о сохранении смысла апелляция и кассационного пересмотра при использовании единых алгоритмических систем сторонами обвинения и судом первой инстанции действительно затрагивает основы системы обжалования судебных решений. Однако представляется, что данный риск не является фатальным и не может быть преодолен за счет последовательного проведения ключевого принципа, лежащего в основе нашего исследования: ИИ выступает не субъектом, а инструментом в руках процессуально ответственного лица. Именно этот постулат позволяет переформулировать проблему. Угроза заключается не в том, что одна и та же программа выдаст идентичный результат на разных стадиях, а в том, что судьи и прокуроры могут некритично делегировать ей формирование своего внутреннего убеждения. Следовательно, ответ должен быть направлен на предотвращение такой подмены через процессуальные гарантии.

Технологическим ответом может стать реализация принципа аналитики в рамках единой платформы. Алгоритмы, к которым обращаются судьи вышестоящих инстанций, должны быть ориентированы не на повторение расчетов первой инстанции, а на выявление системных сбоев, логических противоречий и проверку корректности исходных данных, на которых были построены первоначальные выводы. По сути, система для вышестоящих судов должна выполнять функцию встроенного алгоритмического аудита, выявляя решения, которые «выбиваются» из сложившейся практики Верховного Суда РФ или основываются на сомнительных с точки зрения допустимости доказательствах. Более важным, однако, является процессуальный механизм. Чтобы исключить ситуацию

бездумного следования машине, любое использование вывода ИИ в обвинительном заключении или судебном акте должно сопровождаться обязательной и детальной мотивировкой со стороны должностного лица. В этой мотивировке прокурор и судья должны аргументировать, почему они согласились или, напротив, отвергли рекомендацию системы и как этот вывод соотносится с совокупностью иных доказательств по делу. Таким образом, предметом проверки в судах вышестоящих инстанций должен стать не сам по себе «ответ алгоритма», а обоснованность правовой оценки, данной человеком, которая лишь опосредована технологическим инструментом.

Для закрепления этой логики необходимо четко определить процессуальную природу вывода ИИ-системы. Целесообразно на законодательном уровне закрепить, что такой вывод является вспомогательным аналитическим материалом, а не самостоятельным источником доказательств. Его сила определяется не технической погрешностью, а тем, насколько убедительно он встроен в систему аргументации стороны и соответствует внутреннему убеждению судьи, основанному на всей совокупности материалов дела. В этом случае единая технологическая платформа не упраздняет инстанционную систему обжалования, а трансформирует ее. Задача суда вышестоящей инстанции смещается от формальной перепроверки расчета к содержательной оценке того, насколько профессионально и в соответствии с законом судья нижестоящей инстанции использовал предоставленный ему мощный аналитический инструмент. Изложенное, безусловно, предъявляет новые, более высокие требования к квалификации судей апелляции, кассации, надзорной инстанции в части оценки доказательств в цифровой среде, но окончательно сохраняет за человеком-судьей роль высшего арбитра, гарантируя, что технология служит правосудию, а не подменяет его собой.

Предложенная концепция «умного помощника» позволит повысить объективность, обоснованность и единообразие правоприменительной практики; разгрузить прокуроров от рутинной аналитической работы; синхронизировать работу прокуратуры и суда.

Важно отметить, что практическая работа в данном направлении уже инициирована на высшем уровне. Как отметил А. В. Гуцан, в Генеральной прокуратуре РФ во взаимодействии с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России и технологическими компаниями «Ростелеком» и «Сбербанк» создана специальная рабочая группа, которая прорабатывает внедрение нейросетевого инструментария аналитической работы органов прокуратуры¹⁶, что созвучно предлагаемому в настоящей статье решению.

Разработка и внедрение перечисленных инструментов требуют соответствующей технологической и инфраструктурной основы, создание которой предусмотрено Концепцией. Без разработки единого информационного пространства, и прежде всего единого электронного уголовного дела, их эффективность будет существенно ограничена.

Эффективная работа предложенных инструментов возможна только при условии их построения на фундаменте ЕЭУД, которое начинает формироваться с момента регистрации сообщения о преступлении. Под ЕЭУД следует понимать централизованную государственную информационную платформу, аккумулирующую все процессуальные документы и доказательства в цифровой форме (Кузьмина, Скотникова, 2024. С. 175).

Дискуссия о форме уголовного дела носит фундаментальный характер для создания такой платформы. В научном сообществе предлагается гибридная модель, при которой оригинал уголовного дела сохраняется в бумажном виде, а его полная тождественная электронная копия используется для обеспечения прав участников процесса и оптимизации работы. По мнению А. Н. Халикова, такой подход, во-первых, снимает острую проблему ограниченного доступа прокуратуры к материалам дела на стадии надзора, что критически важно для формирования объективной позиции по обвинительному заключению. Во-вторых, он гарантирует стороне защиты получение полного и официального комплекта материалов, а не разрозненных копий. Наконец, это кардинально разгрузит следователя от рутинной работы по изготовлению и направлению бумажных копий, высвобождая время для непосредственного расследования (Халиков, 2025).

Зарубежными учеными в этой связи подмечено, что необходимо активно разрабатывать новую, специализированную уголовно-процессуальную доктрину для цифровых доказательств, нельзя механически применять старые прецеденты, созданные для физического мира. Без такой адаптации баланс между полномочиями правоохранительных органов и правами граждан на неприкосновенность частной жизни будет нарушен (Kerr, 2005).

¹⁶ Гуцан: современные технологии не должны подменять решения должностного лица. (2025, 23 сентября). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/25132297>

Актуальность и реализуемость подхода по созданию ЕЭУД подтверждается текущими шагами по цифровизации судебной системы. Так, в октябре 2025 г. Судебный департамент при Верховном Суде РФ реализовал возможность цифрового взаимодействия судов с Единым федеральным информационным регистром населения через ГАС «Правосудие». Это позволит судам в режиме 24/7 получать более 30 видов верифицированных сведений о физических лицах (сведения о родственных связях, месте жительства, документах и т. д.), что критически важно для ускорения и повышения обоснованности судопроизводства по делам различной категории, включая уголовные. Данный прецедент создания защищенного канала межведомственного информационного обмена является практическим прообразом и важным элементом будущей комплексной платформы на основе ЕЭУД.

Внедрение любых информационных систем сопряжено с повышенными рисками для конфиденциальности информации (Смолькова, 2025). Структура «умного помощника» должна включать механизмы информационной безопасности:

1. Принцип минимальной достаточности и обезличивания. Система должна быть спроектирована так, чтобы ИИ-алгоритмы имели доступ только к тем обезличенным или псевдонимизированным данным, которые минимально необходимы для выполнения конкретной аналитической задачи (например, анализ судебной практики не требует знания ФИО и адреса обвиняемого или потерпевшего).

2. Многоуровневая система авторизации и аудита. Доступ к различным модулям системы и массивам данных должен быть строго регламентирован в зависимости от процессуального статуса и полномочий пользователя (прокурор, помощник прокурора, технический специалист). Все действия пользователей и системы с персональными данными должны подлежать обязательному аудиту.

3. Возможность архивирования/удаления данных. В систему должна быть заложена возможность автоматического или по ходатайству лица удаления или архивирования его персональных данных по истечении определенных законом сроков или при прекращении уголовного дела.

Актуальность предлагаемых механизмов подтверждается Федеральным законом от 28.02.2025 № 23-ФЗ, установившим с 1 июля 2025 г. особый порядок обработки персональных данных участников уголовного судопроизводства¹⁷. В этой связи выглядит оправданным мнение П. П. Ланга о необходимости разработки передовых процессов и систем для управления большими данными, обеспечивающих безопасность и конфиденциальность электронной информации со стороны государственных органов, а также высокий уровень доверия в информационном процессе как особой аксиологической конструкции (Ланг, 2021).

Синхронизация работы «умного помощника прокурора» с аналогичными системами судов позволит сформировать единое аналитическое поле (Гаврилов, 2025. С. 92). В этом случае диалог сторон в суде сместится в сторону содержательной дискуссии об оценке доказательств по внутреннему убеждению, где человек сохранит преимущество. При этом, несмотря на единство гносеологической основы, процессуальные функции прокурора и судьи носят принципиально различный характер. Прокурор является стороной обвинения, чья задача в состязательном процессе – сформировать и обосновать позицию обвинения. Судья же выступает нейтральным органом отправления правосудия, обязанным оценить доводы обеих сторон и разрешить уголовно-правовой спор. Эта функциональная асимметрия напрямую влияет на требования к проектируемым ИИ-помощникам.

«Умный помощник прокурора» по своей сути является инструментом усиления и проверки обвинительной гипотезы. Его задачи – помочь в построении логически стройной, доказательной позиции обвинения, выявить в ней слабые места и противоречия до их использования в суде. Система ИИ для судьи, напротив, должна быть инструментом беспристрастного анализа, помогающим выявить пробелы и логические нестыковки в аргументации как обвинения, так и защиты, проверить соответствие позиций сторон закону и сложившейся практике.

Именно поэтому тезис о невозможности замены ИИ человека-судьи, эмпирически подтвержденный в ходе настоящего исследования, приобретает дополнительное, процессуальное измерение применительно к прокурору. Если алгоритм принципиально не способен заменить нейтрального арбитра, лишённого стороннего интереса, то тем более он не может заместить сторону обвинения, чья деятельность не только требует вну-

¹⁷ О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 23-ФЗ от 28.02.2025. (2025). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499984/

тренного убеждения, но и изначально носит целенаправленный, обвинительный характер, предполагающий профессиональное отстаивание определенной позиции в состязании. Таким образом, гипотеза о полноценной замене ИИ ключевых субъектов уголовного процесса – как судьи, так и прокурора – является несостоятельной, однако по разным, дополняющим друг друга основаниям: в первом случае – в силу невозможности алгоритмизации беспристрастного отправления правосудия, во втором – в силу невозможности делегирования машине функции стороннего, заинтересованного и ответственного субъекта состязательного процесса.

Ценным для разработки отечественной модели является опыт Италии, где с конца 1990-х гг. создается система сквозного информационного обмена между органами предварительного расследования, прокуратурой и судом (Кузьмина, Скотникова, 2024. С. 176).

Важно также понимать различие между открытыми и локальными моделями. Открытые модели (API) работают на серверах компании-разработчика, мы обращаемся к ним через Интернет. К их плюсам можно отнести то, что они очень мощные и умные (обучены на огромных массивах данных), для их использования не требуется покупать дорогостоящее оборудование, они просты в использовании, их данные всегда актуальны. Из минусов то, что наши данные отправляются на чужие серверы, нужен Интернет, зависимость от внешнего сервера, платность запросов.

Локальные модели (*on-premises*) работают на ваших собственных компьютерах/серверах. К их плюсам можно причислить полную конфиденциальность данных, работу без Интернета, никто сторонний не может заблокировать доступ, их можно строить под свои задачи. Корреспондирующие этому минусы заключаются в том, что для работы требуется мощное, зачастую дорогостоящее оборудование, оно сложнее в настройке и обслуживании, менее «умное» из-за ограничений в обучении, необходимо самостоятельно поддерживать его актуальность путем самостоятельного обновления.

Исходя из сказанного, полагаем, что для целей использования ИИ в уголовном судопроизводстве, в связи с критичностью конфиденциальности данных, необходимой полной автономности, будущее за локальной моделью ИИ, специально созданной для этих задач, совместно программистами, прокурорами и судьями.

Реализация предложенной концепции, подразумевающей разработку специализированных локальных ИИ-модулей и создание ЕЭУД в качестве их инфраструктурного фундамента, объективно потребует значительных организационных и финансовых вложений. Эта инвестиционная нагрузка закономерна и объяснима высочайшей «ценой ошибки» в уголовном судопроизводстве, где на кону свобода и судьба человека, что исторически обуславливает консерватизм и осторожность при внедрении новых технологий в данную сферу (Кузьмина, Скотникова, 2024). Поэтому ключевым вопросом при переходе от концептуального обсуждения к практическому внедрению становится оценка экономической реализуемости и ожидаемого эффекта. В условиях государственного финансирования речь идет не о коммерческой окупаемости, а о стоимостной эффективности – достижении стратегических целей правосудия (законность, обоснованность, справедливость, разумные сроки) при оптимальном использовании бюджетных средств.

Финансирование проекта следует рассматривать как комплексную инвестицию в цифровую экосистему правосудия. Структура капитальных затрат (*CAPEX*) будет определяться: 1) разработкой защищенных локальных ИИ-моделей и интерфейсов («умный калькулятор», анализатор практики); 2) созданием платформы ЕЭУД и ее интеграцией с существующими государственными системами (ГАС «Правосудие», ИСОД МВД); развертыванием соответствующей аппаратной инфраструктуры (серверные мощности). Операционные расходы (*OPEX*) будут включать затраты на техническое сопровождение, «дообучение» моделей, обеспечение кибербезопасности и масштабное обучение персонала. Существенным механизмом оптимизации может стать позиционирование ИИ-инструментов как надстроек к создаваемой в рамках Концепции до 2030 г. единой цифровой платформе органов прокуратуры, что позволит избежать дублирования базовых функций и использовать уже заложенный бюджет. Следует отметить, что предложенная модель является логическим развитием уже начавшегося процесса цифровизации, примером которого служит введение в декабре 2023 г. ст. 474.2 УПК РФ, регламентирующей порядок использования электронных документов на досудебной стадии производства¹⁸.

¹⁸ Статья 474.2 УПК РФ введена Федеральным законом от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/d29a76b1f233c4ca4832e3b617367ba7808688cf/

Кроме этого, следует отметить, что активное использование технологий ИИ в правоприменительной деятельности уже сейчас должно учитываться и в образовательном процессе. Как справедливо указывает П. П. Ланг, в рамках профессиональной подготовки юридических кадров актуальность исследования определяется потребностью формирования специалистов, обладающих не только глубокой фундаментальной подготовкой в правовой сфере, но и комплексом компетенций, релевантных условиям цифровой экономики (Ланг, 2025).

Прогнозируемый эффект носит комплексный характер. Прямая экономия выразится в сокращении трудовых затрат прокуроров и судей на рутинные задачи (поиск практики, проверку противоречий) и материальных издержек на бумажный документооборот. Стратегический эффект, конвертируемый в общественную пользу и укрепление правопорядка, представляется более значимым: повышение обоснованности и единообразия решений приведет к снижению числа судебных ошибок и отмен приговоров; автоматизация подготовительных работ оптимизирует сроки судопроизводства; системный анализ «больших данных» создаст основу для более предметной профилактической и правотворческой деятельности. Примечательно, что предлагаемые ИИ-модули логично встраиваются в разрабатываемую в научном сообществе теоретическую модель электронного уголовного дела, где им отводится роль функциональных подмодулей в рамках единой цифровой платформы (Зуев, Моругина, 2024). Изложенное подтверждает технологическую обоснованность и взаимосвязь предлагаемых решений с магистральным направлением цифровизации уголовного процесса.

Учитывая масштаб преобразований, ключевым принципом реализации проекта должна стать поэтапность (пилотирование). Первый этап (2026–2027 гг.) может быть сфокусирован на разработке и апробации одного-двух модулей в пилотных прокуратурах параллельно с созданием прототипа ЕЭУД для ограниченной категории дел. Последующее масштабирование (2028–2030 гг.) и полная интеграция должны осуществляться на основе отработанных методик и полученной обратной связи от правоприменителей. Такой подход обеспечит не только технологическую, но и бюджетную управляемость процесса цифровой трансформации, давая конкретный ответ на вопрос об экономических аспектах внедрения.

«Искусственный интеллект уже интенсивно порождает новые существенные вызовы (и их будет все больше по мере развития и внедрения такого рода технологий), сопряженные с крайне сложно просчитываемыми рисками и поливариантностями, создает беспрецедентно много неопределенностей. И правовое регулирование в этой сфере не просто не поспевает, но уже на сегодняшний день безнадежно отстало от технологического развития» (Понкин, Редькина, 2018. С. 105).

Изучение возможных направлений и перспектив использования современных информационных технологий, в том числе ИИ, при поддержании государственного обвинения и отправлении правосудия предусмотрено «Планом по внедрению технологий ИИ и автоматизации деятельности в органах прокуратуры РФ на 2024–2026 гг.» (утв. Генеральным прокурором РФ 22.03.2024)¹⁹, при этом планирование самого развития прокуратуры осуществляется в том числе с использованием ИИ, а вопросы использования ИИ в надзорной деятельности также обсуждаются научным сообществом (Махьянова, 2024; Гаврилов, 2024; Покуль, 2024).

Вопрос эмпирической проверки и пилотного тестирования предлагаемой концепции «умного помощника прокурора» является закономерным и критически важным для оценки ее практической применимости. Вместе с тем специфика текущего момента заключается в том, что внедрение комплексных ИИ-систем нагнетается на серьезный разрыв между стратегическими установками и реальными операциональными возможностями прокуроров на местах. Как показало анонимное анкетирование работников прокуратур, ключевыми препятствиями являются недостаточное техническое оснащение (54 %), отсутствие специализированного программного обеспечения (22 %) и соответствующих методических рекомендаций (36 %) (Мингалимова, 2025). Таким образом, полноценное пилотное тестирование завершенного «умного помощника» в настоящее время невозможно ввиду отсутствия самого объекта тестирования как единого цифрового продукта.

Однако это не означает отсутствия эмпирической базы для разработки концепции. Напротив, исследование выявило выраженный пользовательский запрос (72 % респондентов поддержали идею программы для расчета наказания) и зафиксировало стихийно складывающуюся практику применения прототипов таких инструментов. Так, в ряде регионов (например, в прокуратуре Ульяновской области) для расчета наказания

¹⁹ Официально опубликован не был.

уже используются таблицы Microsoft Excel с заданными алгоритмами, а для фиксации позиции в прениях – общедоступные мобильные приложения для распознавания речи. Изложенные решения, с одной стороны, подтверждают острую потребность в автоматизации рутинных операций, а с другой – наглядно демонстрируют их ключевые недостатки: неприспособленность для работы с конфиденциальной информацией, отсутствие интеграции с государственными системами и высокий риск ошибок.

Следовательно, настоящее исследование, опираясь на эти эмпирические данные, выполняет роль необходимого промежуточного звена. Оно систематизирует существующий спрос и практику, трансформируя их в четкие технико-правовые требования к будущему инструменту: локальность, безопасность, интеграция с ЕЭУД, объяснимость рекомендаций и наличие юридических гарантий (предложенная выше модель субсидиарной ответственности). Именно такая проработка, основанная на анализе реальных проблем и запросов правоприменителей, и является критически важным этапом успешного пилотного тестирования. Бесмысленно тестировать систему, не соответствующую потребностям и правовым реалиям. Поэтому предложенная структура «умного помощника» и должна стать основой для следующего этапа – целевой разработки и апробации пилотных модулей в рамках реализации Концепции цифровой трансформации до 2030 г., что позволит, наконец, перейти от анализа потребностей и концептуального проектирования к получению конкретных данных об эффективности.

Заключение

ИИ – это инструмент, требующий грамотного применения. Его внедрение в деятельность органов прокуратуры должно быть планомерной работой по созданию государственной технологической платформы в строгом соответствии с этапами, определенными Концепцией до 2030 г. Как показано в исследовании, реализация принципа состязательности в условиях цифровизации отечественного уголовного процесса, сохранившего континентальную форму, требует особого подхода. Учет исторически сложившегося функционального и информационного неравенства сторон означает, что обеспечение технологической справедливости достигается не через создание симметричных инструментов, а через гарантирование прозрачности и проверяемости алгоритмических рекомендаций, используемых стороной обвинения. «Умный помощник прокурора» призван повысить качество и обоснованность первичной работы обвинения. В ответ на это ключевым механизмом обеспечения состязательности становится право стороны защиты на алгоритмический аудит, реализуемое через: 1) возможность ходатайствовать о назначении экспертизы алгоритма и данных; 2) обязательное раскрытие прокурором по запросу защиты ключевых метаданных, использованных для расчета (источник данных, ключевые факторы, уровень вероятности прогноза); 3) нормативное закрепление статуса вывода ИИ как аналитической рекомендации, а не истины в последней инстанции, что делает ее предметом содержательной дискуссии в прениях. Такой подход, фокусирующий состязательность на предметной проверке обоснованности технологически усиленных выводов обвинения, превращает ИИ из потенциального источника дисбаланса в инструмент укрепления принципов законности и справедливости судопроизводства.

Конечная цель заключается не в алгоритмизации права, а в использовании технологий для реализации его фундаментальных принципов – законности, обоснованности и справедливости. ИИ призван усилить профессиональное правосознание прокурора и судьи, а не подменить его.

Проведенное исследование, основанное на анализе существующих подходов и практического опыта внедрения ИИ в деятельность органов прокуратуры, позволяет сформулировать принципиальный вывод. Текущий этап характеризуется критическим дисбалансом: технологические решения и ситуативные правовые инициативы опережают формирование необходимого теоретико-методологического фундамента. В этой связи ключевым результатом работы является обоснование безотлагательной необходимости разработки специальной теории применения ИИ в отечественном уголовном судопроизводстве. Только на основе такой теории интеграция ИИ перестанет быть совокупностью разрозненных пилотных проектов и сможет стать целенаправленным, системным и безопасным процессом усиления российского правосудия в строгом соответствии с его фундаментальными принципами.

Список литературы

- Арзуманян, А. Э. (2025). Применение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности прокурора: преимущества и недостатки. *Юридические исследования*, 12. EDN: TIRUKC. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77167
- Ашрафзянов, И. Р. (2024). *Справедливость как цель правовой политики в контексте развития человека*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. EDN: RCKQCZ
- Бахтеев, Д. В. (2023). Этико-правовые модели взаимоотношений общества с технологией искусственного интеллекта. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 520–539. EDN: EKEUDK. DOI: 10.21202/jdtl.2023.22
- Бирюков, П. Н. (2019). Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт. *Lex Russica*, 11(156), 79–87. EDN: UHVNDW. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087
- Гаврилов, Б. Я. (2025). Уголовно-процессуальное обеспечение применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве. *Труды Академии управления МВД России*, 2(74), 89–99. EDN: VWRQCT. DOI: 10.24412/2072-9391-2025-274-89-99
- Гаврилов, М. А. (2024). Перспективы использования систем искусственного интеллекта в прокурорской деятельности. *Искусство правоведения*, 3(11), 35–40. EDN: UZQLVP
- Галлезе-Нобиле, К. (2023). Регулирование умных роботов и искусственного интеллекта в Европейском союзе. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 33–61. EDN: UNSONV. DOI: 10.21202/jdtl.2023.2
- Еремеев, Д. В. (2022). Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*, 8(74), 1, 141–148. EDN: RTQTBV. DOI: 10.37279/2413-1733-2022-8-1-141-148
- Жарова, А. К. (2023). Достижение алгоритмической прозрачности и управление рисками информационной безопасности при принятии решений без вмешательства человека: правовые подходы. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 973–993. EDN: OPPOBG. DOI: 10.21202/jdtl.2023.42
- Жуков, В. И., Жукова, Г. С. (2023). Естественный и искусственный интеллект: диалектика взаимодействия и правовые регуляторы девиаций. *Государство и право*, 6, 136–148. EDN: APNBSV. DOI: 10.31857/S102694520025956-2
- Зайцев, О. А., Шамурзаев, Т. Т. (2024). Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в эпоху цифровой трансформации. В сб. *Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 5 апреля 2024 г.* (с. 205–214). Краснодар: Кубанский государственный университет. EDN: DWPDSI
- Зуев, С. В. (2025а). Отрицание цифровизации как фактор ее развития в уголовном судопроизводстве. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 1(69), 122–127. EDN: XSQPYO
- Зуев, С. В. (2025б). Решит ли цифровизация старые проблемы уголовного права? В сб. Д. В. Воронков (ред.), *Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Седьмой международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 5 июня 2025 года)* (с. 76–82). Екатеринбург: АНО «КримЛиб». EDN: EHSERN
- Зуев, С. В., Моругина, Н. А. (2024). Электронное уголовное дело: теоретическая модель. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 15(3)(57), 83–94. EDN: CQSDYT. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-9
- Казанцев, Д. А. (2025). Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(3), 446–471. EDN: RUZMXP. DOI: 10.21202/jdtl.2025.18
- Карабанова, Е. Н., Наумов, А. В. (ред.). (2025). *Назначение наказания*: монография. Москва: ИД «Городец».
- Кузьмина, О. В., Скотникова, М. М. (2024). Электронное уголовное дело: зарубежный опыт и перспективы внедрения в российский уголовный процесс. *Вестник Костромского государственного университета*, 30(4), 173–177. EDN: UWPLVH. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-4-173-177
- Ланг, П. П. (2021). Правовые ценности и цифровые технологии: проблема паритета. *Юридическая наука*, 2, 64–69. EDN: GUUCMR
- Ланг, П. П. (2025). Цифровизация образовательной экосистемы в сфере права: от технологического апгрейда к фундаментальной переориентации педагогических парадигм. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 11, 277–294. EDN: XUDONO. DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11227
- Лаптев, В. А. (2019). Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2, 79–102. EDN: GQATHO. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102
- Лошкарев, В. В. (2026). Искусственный интеллект о себе: эмпирический анализ его готовности к участию в судебной стадии уголовного судопроизводства в Российской Федерации. *Журнал российского права*, 30(3), 78–88. EDN: IQUFZW. DOI: 10.61205/S160565900035233-0
- Лошкарев, В. В., Мингалимова, М. Ф. (2025). Институт уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути их решения. *Журнал российского права*, 29(9), 91–102. EDN: LKUWTA. DOI: 10.61205/S160565900035013-8
- Мананников, Д. Ю. (2024). Правовое регулирование применения информационно-аналитических технологий в деятельности органов прокуратуры. *Юридическая наука*, 8, 81–86. EDN: TLMCLV
- Маричева, О. В. (2025). Цифровая трансформация уголовного правосудия в условиях военной угрозы. В сб. *Проблемы уголовной ответственности и наказания*: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Рязань, 30 мая 2025 г.) (с. 323–326). Рязань: Академия ФСИН России. EDN: PVSOLQ

- Махьянова, Р. М. (2024). Использование технологий искусственного интеллекта при осуществлении надзорной деятельности прокуратуры. *Юридические науки*, 1, 195–199. EDN: WUKWXU
- Мингалимова, М. Ф. (2025). Государственное обвинение в эпоху цифровизации: проблемы реализации стратегических задач при ограниченности технического обеспечения. В сб. М. А. Ефремова (ред.), *Сборник статей материалов IV Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика в условиях цифровой трансформации»* (с. 128–135). Казань: Отечество.
- Морхат, П. М. (2017). К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта. *Право и государство: теория и практика*, 12(156), 25–32. EDN: YWXVIU
- Морхат, П. М. (2018). *Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы*: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва.
- Покуль, А. А. (2024). Использование цифровых технологий в прокурорской деятельности: тенденции развития. *Искусство правоведения*, 3, 57–61. EDN: INDBSF
- Понкин, И. В., Редькина, А. И. (2018). Искусственный интеллект с точки зрения права. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 22(1), 91–109. EDN: YVXKVA. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109
- Смолькова, И. В. (2025). Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве. *Правовое государство: теория и практика*, 1, 134–142. EDN: CPSUZS. DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.15
- Спицин, И. Н., Тарасов, И. Н. (2020). Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы). *Актуальные проблемы российского права*, 15(8), 96–107. EDN: FGNNXX. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107
- Филипова, И. А. (2024). Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 46–73. EDN: AWEFAY. DOI: 10.21202/jdtl.2024.4
- Филипова, И. А., Коротеев, В. Д. (2023). Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 359–386. EDN: IMMOAM. DOI: 10.21202/jdtl.2023.15
- Хабриева, Т. Я., Черногор, Н. Н. (2018). Право в условиях цифровой реальности. *Журнал российского права*, 1(253), 85–102. EDN: YKWEZL. DOI: 10.12737/art_2018_1_7
- Халиков, А. Н. (2025). Бумажная и электронная форма уголовного дела: проблемы и перспективы. В сб. В. Н. Карагодина (ред.), *Организация труда следователя: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 27 февраля 2025 года)* (с. 41–45). Москва: Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева. EDN: VPFPYA
- Чарыков, А. В. (2025). *Адвокат в исторической форме уголовного процесса: назначение, полномочия, направления деятельности*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань.
- Черногор, Н. Н. (2022). Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка. *Журнал российского права*, 26(4), 5–15. EDN: DAAZJP. DOI: 10.12737/jrl.2022.037
- Яковлева, Е. Л., Григорьев, Р. А. (2024). Назад в будущее: примитивизация, варваризация или новые сценарии развития человека? *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 1007–1023. EDN: AQPMdT. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.4.1007-1023
- Ястребов, О. А. (2018). Искусственный интеллект в правовом пространстве. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*, 22(3), 315–328. EDN: ZAQDHF. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-3-315-328
- Bennett Moses, L., & Chan, J. (2014). Using big data for legal and law enforcement decisions: Testing the new tools. *University of New South Wales Law Journal*, 37(2), 643–678.
- Ihedioha, C. E. (2024). Judges, technology and artificial intelligence: The artificial judge. *Law Technology and Humans*, 6(2), 107–109. EDN: FQKKMR. DOI: 10.5204/lthj.3544
- Kerr, O. S. (2005). Digital evidence and the new criminal procedure. *Columbia Law Review*, 105(1), 279–318.
- Litvin, I. (2022). On the question of legal personality of artificial intelligence in criminal proceedings. *Advances in Law Studies*, 10(2), 26–30.
- Loo, J., & Findlay, M. (2022). Digitised justice: The new two tiers? *Criminal Law Forum*, 33(1), 1–38. EDN: JINQSW. DOI: 10.1007/s10609-022-09431-x
- Susskind, R. E. (2019). *Online Courts and the Future of Justice*. Oxford: Oxford University Press.
- Wallace, A. (2017). The impact of technology on courts. *International Journal for Court Administration*, 8(2), 1–12.
- Zavrnsnik, A. (2019). Algorithmic justice: Algorithms and big data in criminal justice settings. *European Journal of Criminology*, 18(5), 623–642.

References

- Arzumanyan, A. E. (2025). The use of artificial intelligence systems in the criminal procedural activities of the prosecutor: advantages and disadvantages. *Legal Studies*, 12. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2025.12.77167>
- Ashrafzyanov, I. R. (2024). *Justice as a goal of legal policy in the context of human development*: abstract of Cand. Sci. (Law) thesis. Kazan. (In Russ.).
- Bakhteev, D. V. (2023). Ethical-legal models of the society interactions with the artificial intelligence technology. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 520–539. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.22>

- Bennett Moses, L., & Chan, J. (2014). Using big data for legal and law enforcement decisions: Testing the new tools. *University of New South Wales Law Journal*, 37(2), 643–678.
- Biryukov, P. N. (2019). Artificial intelligence and “predicted justice”: foreign experience. *Lex Russica*, 11(156), 79–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087>
- Chernogor, N. N. (2022). Artificial intelligence and its role in the transformation of modern law and order. *Journal of Russian law*, 26(4), 5–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.037>
- Eremeev, D. V. (2022). Prospects for using artificial intelligence in criminal proceedings. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 8(74), 1, 141–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2022-8-1-141-148>
- Filipova, I. A. (2024). Legal Regulation of Artificial Intelligence: Experience of China. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 46–73. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>
- Filipova, I. A., & Koroteev, V. D. (2023). Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality? *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 359–386. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.15>
- Gallese Nobile, C. (2023). Regulating smart robots and artificial intelligence in the european union. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 33–61. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.2>
- Gavrilov, B. Ya. (2025). Criminal procedural support for the use of information technologies in criminal proceedings. *Proceedings of the Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2(74), 89–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2025-274-89-99>
- Gavrilov, M. A. (2024). Prospects for the use of artificial intelligence systems in prosecutorial activities. *The Art of Law*, 3(11), 35–40. (In Russ.).
- Iakovleva, E. L., & Grigoriev, R. A. (2024). Back to the future: primitivization, varvarization or new scenarios for human development? *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 1007–1023. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.1007-1023>
- Ihedioha, C. E. (2024). Judges, technology and artificial intelligence: The artificial judge. *Law Technology and Humans*, 6(2), 107–109. <https://doi.org/10.5204/lthj.3544>
- Karabanova, E. N., & Naumova, A. V. (Eds.) (2025). *Assigning punishment: monograph*. Moscow: “Gorodets” Publishing House.
- Kazantsev, D. A. (2025). Legal mechanisms for distributing the responsibility for the harm caused by artificial intelligence systems. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(3), 446–471. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.18>
- Kerr, O. S. (2005). Digital evidence and the new criminal procedure. *Columbia Law Review*, 105(1), 279–318.
- Khabrieva, T. Y., & Chernogor, N. N. (2018). The law in the conditions of digital reality. *Journal of Russian law*, 1(253), 85–102. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/art_2018_1_7
- Khalikov, A. N. (2025). Paper and electronic forms of a criminal case: problems and prospects. In V. N. Karagodin (ed.), *Organization of an investigator’s work: proceedings of the All-Russia scientific and practical conference (Yekaterinburg, February 27, 2025)* (pp. 41–45). Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee named after A. Ya. Sukharev. (In Russ.).
- Kuzmina, O. V., & Skotnikova, M. M. (2024). Electronic criminal case: foreign experience and prospects for implementation in Russian criminal proceedings. *Vestnik of Kostroma State University*, 30(4), 173–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-173-177>
- Lang, P. P. (2021). Legal values and digital technologies: the problem of parity. *Yuridicheskaya Nauka*, 2, 64–69. (In Russ.).
- Lang, P. P. (2025). Digitalization of the educational ecosystem in the field of law: from technological upgrades to a fundamental reorientation of pedagogical paradigms. *Nauchno-Metodicheskiy Elektronny Zhurnal “Koncept”*, 11, 277–294. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2025-11227>
- Laptev, V. A. (2019). Artificial intelligence and liability for its work. *Law. Journal of the Higher school of economics*, 2, 79–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>
- Litvin, I. (2022). On the question of legal personality of artificial intelligence in criminal proceedings. *Advances in Law Studies*, 10(2), 26–30.
- Loo, J., & Findlay, M. (2022). Digitised justice: The new two tiers? *Criminal Law Forum*, 33(1), 1–38. <https://doi.org/10.1007/s10609-022-09431-x>
- Loshkarev, V. V. (2026). Artificial intelligence about itself: an empirical analysis of its readiness to participate in the judicial stage of criminal proceedings in the Russian Federation. *Journal of Russian Law*, 3, 78–88. <https://doi.org/10.61205/S160565900035233-0>
- Loshkarev, V. V., & Mingalimova, M. F. (2025). Institute of criminal with participation of jury: problems and ways to solve them. *Journal of Russian Law*, 29(9), 91–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.61205/S160565900035013-8>
- Makhyanova, R. M. (2024). The use of artificial intelligence technologies in the implementation of supervisory activities of the prosecutor’s office. *Yuridicheskaya Nauka*, 1, 195–199. (In Russ.).
- Manannikov, D. Yu. (2024). Legal regulation of the use of information and analytical technologies in the activities of prosecutorial authorities. *Yuridicheskaya Nauka*, 8, 81–86. (In Russ.).
- Maricheva, O. V. (2025). Digital transformation of criminal justice under military threat. In *Issues of criminal liability and punishment: collection of materials of International scientific and practical conference dedicated to the memory of Professors V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsov (Ryazan, May 30, 2025)* (pp. 323–326). Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. (In Russ.).

Mingalimova, M. F. (2025). Public prosecution in the era of digitalization: problems of fulfilling strategic tasks with limited technical support. In M. A. Efremova (ed.), *Collection of articles of the 4th All-Russia scientific and practical conference “Criminal policy under digital transformation”* (pp. 128–135). Kazan: Otechestvo. (In Russ.).

Morkhat, P. M. (2017). On the definition of the concept of artificial intelligence. *Pravo I Gosudarstvo: Teoriya I Praktika*, 12(156), 25–32. (In Russ.).

Morkhat, P. M. (2018). *Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law issues*: abstract of Dr. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Pokul, A. A. (2024). Employment of digital technologies in prosecution activities: development trends. *The Art of Law*, 3, 57–61. (In Russ.).

Ponkin, I. V., & Redkina, A. I. (2018). Artificial intelligence from the point of view of law. *RUDN Journal of Law*, 22(1), 91–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109>

Smolkova, I. V. (2025). Personal data protection in criminal proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 1, 134–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.33184/pravgos-2025.1.15>

Spitsin, I. N., & Tarasov, I. N. (2020). Artificial intelligence in the administration of justice: theoretical aspects of the legal regulation (articulation of the issue). *Actual Problems of Russian Law*, 15(8), 96–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107>

Susskind, R. E. (2019). *Online Courts and the Future of Justice*. Oxford: Oxford University Press.

Wallace, A. (2017). The impact of technology on courts. *International Journal for Court Administration*, 8(2), 1–12.

Yastrebov, O. A. (2018). Artificial Intelligence in the Legal Space. *RUDN Journal of Law*, 22(3), 315–328. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-3-315-328>

Zaitsev, O. A., & Shamurzaev, T. T. (2024). Trends in the development of criminal procedure legislation in the era of digital transformation. *Topical issues of judicial, law-enforcement, rights-protective, criminal-procedural and anti-corruption activities: materials of the International scientific and practical conference, Krasnodar, April 5, 2024* (pp. 205–214). Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.).

Zavrnsnik, A. (2019). Algorithmic justice: Algorithms and big data in criminal justice settings. *European Journal of Criminology*, 18(5), 623–642.

Zharova, A. K. (2023). Achieving algorithmic transparency and managing risks of data security when making decisions without human interference: legal approaches. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 973–993. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.42>

Zhukov, V. I., & Zhukova, G. S. (2023). Natural and artificial intelligence: dialectics of interaction and legal regulators of deviations. *State and Law*, 6, 136–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S102694520025956-2>

Zuev, S. V. (2025b). Will digitalization solve the old problems of criminal procedure? In D. V. Voronkov (ed.), *21st century technologies in jurisprudence: proceedings of the 7th International scientific and practical conference (Yekaterinburg, June 5, 2025)* (pp. 76–82). Yekaterinburg: ANO “KrimLib”. (In Russ.).

Zuev, S. V., & Morugina, N. A. (2024). Electronic criminal case: theoretical model. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 15(3), 83–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-9>

Zuev, S. V. (2025a). Denial of digitalization as a factor in its development in criminal proceedings. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(69), 122–127. (In Russ.).

Charykov, A. V. (2025). *Lawyer in the historical form of criminal proceedings: appointment, powers, areas of activity*: abstract of Cand. Sci. (Law) thesis. Kazan.

Приложение 1

Ответы языковой модели Claude на поставленные вопросы

Дата опроса: 26 мая 2025 г.
Модель: Claude Opus 4 (Anthropic)

1. В текущем правовом поле – нет. Согласно УПК РФ, правосудие осуществляется только судом (ст. 8 УПК РФ), а судьей может быть только гражданин РФ, отвечающий определенным требованиям (ст. 119 Конституции РФ). Я как ИИ не обладаю правосубъектностью. Технически я могу проанализировать материалы дела, выявить противоречия, систематизировать доказательства, но это будет именно анализ, а не отправление правосудия в юридическом смысле.

2. Юридически обязывающий приговор – нет. Приговор выносится именем Российской Федерации (ст. 296 УПК РФ) и требует не только знания права, но и внутреннего убеждения судьи, сформированного на основе

совокупности исследованных доказательств (ст. 17 УПК РФ). Я могу подготовить проект решения с анализом доказательств и правовой квалификацией, но это будет рекомендательный документ, а не приговор в процессуальном смысле.

3. Для полноценного анализа мне потребуются: процессуальные документы (обвинительное заключение/ акт/ постановление; протоколы следственных действий; заключения экспертиз; вещественные доказательства (в цифровом виде); характеризующие материалы; ходатайства и жалобы сторон. Нормативная база: актуальные версии УК РФ и УПК РФ; постановления Пленума Верховного Суда РФ; обзоры судебной практики; международные правовые акты. Дополнительные данные: статистика по аналогичным делам; региональная судебная практика; данные о рецидиве по категориям преступлений.

4. Для работы с уголовными делами ИИ должен быть обучен: на юридических текстах: полный курс российского законодательства, судебная практика всех уровней (миллионы решений), научные комментарии к УК и УПК РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ; специализированных знаниях: криминалистика и судебная экспертиза, судебная психология и психиатрия, виктимология, уголовная статистика; процессуальных навыках: оценки допустимости доказательств, выявления процессуальных нарушений, применения презумпций и правовых фикций, разрешения коллизий норм.

5. Необходимый объем знаний включает: материальное право: все составы преступлений УК РФ с учетом квалифицирующих признаков, институты Общей части УК (вина, соучастие, стадии, множественность и т. д.), правила назначения наказания, основания освобождения от ответственности/наказания. Процессуальное право: все стадии уголовного процесса, права и обязанности участников, правила доказывания, порядок обжалования. Смежные области: конституционное право (права человека), международное право, гражданское право (для возмещения вреда), административное право. Междисциплинарные знания: основы психологии и психиатрии, базовые знания в криминалистике, понимание социального контекста преступности.

6. Законность: могу обеспечить на высоком уровне (95–99 %). Я способен точно применять нормы права, не допускать процессуальных нарушений, правильно квалифицировать деяния.

Обоснованность: достижима на уровне 85–95 %. Могу системно анализировать доказательства, выявлять противоречия, строить логические цепочки. Однако оценка достоверности показаний свидетелей, невербальных сигналов – моя слабая сторона.

Справедливость: наиболее проблемный аспект (70–85 %). Справедливость включает моральную оценку, учет всех обстоятельств личности, понимание мотивов. Мне сложно учесть нюансы человеческой психологии, социальный контекст, раскаяние подсудимого.

7. Законность – строгое соответствие нормам материального и процессуального права: правильная квалификация деяния; соблюдение процедуры судопроизводства; назначение наказания в установленных пределах; отсутствие нарушений прав участников процесса.

Обоснованность – подтверждение выводов суда исследованными доказательствами: установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК), оценка каждого доказательства на предмет относимости, допустимости, достоверности, логическая связь между установленными фактами и выводами, мотивировка принятых решений.

Справедливость – соответствие наказания характеру и степени общественной опасности: индивидуализация наказания, учет личности виновного, соразмерность наказания тяжести преступления, достижение целей наказания (ст. 43 УК).

8. Этап 1. Первичный анализ: загрузка всех материалов дела в систему, структурирование информации по эпизодам, выявление ключевых участников и их роли, определение применимых норм права.

Этап 2. Анализ доказательств: составление матрицы доказательств (кто-что-когда-где), проверка допустимости каждого доказательства, выявление противоречий и пробелов, оценка достаточности доказательственной базы.

Этап 3. Правовая квалификация: сопоставление фактов с составами преступлений, анализ квалифицирующих признаков, проверка наличия обстоятельств, исключающих преступность, решение вопросов соучастия, стадий, множественности.

Этап 4. Определение наказания: анализ санкции статьи, учет смягчающих/отягчающих обстоятельств (ст. 61–63 УК), применение правил назначения наказания (гл. 10 УК), моделирование различных вариантов наказания.

Этап 5. Формирование решения: составление описательно-мотивировочной части, формулирование резолютивной части, проверка на внутреннюю согласованность, генерация альтернативных вариантов решения.

Ограничения ИИ в процессе: невозможность непосредственного исследования доказательств, отсутствие эмпатии при оценке раскаяния, сложность оценки невербального поведения, проблема «внутреннего убеждения».

Преимущества ИИ: обработка огромных массивов судебной практики, отсутствие эмоциональной предвзятости, выявление всех применимых норм, последовательность в принятии решений.

Считаю, что ИИ может быть эффективным помощником судьи, но не заменой. Оптимальная модель – гибридная система, где ИИ выполняет аналитическую работу, а человек принимает окончательное решение с учетом всех нюансов, недоступных алгоритму.

Приложение 2

Ответы языковой модели GPT 4.1 на поставленные вопросы

Дата опроса: 26 мая 2025 г.

Модель: GPT 4.1 (OpenAI)

1. Теоретически – да, если рассматривать «рассмотрение» как процесс анализа информации и вынесения заключения на ее основе. Современные ИИ-системы могут обрабатывать большие объемы данных, анализировать текст, устанавливать связи между фактами, применять нормы права к обстоятельствам дела, даже выявлять логические противоречия.

Практически – на данный момент нет, так как: у ИИ нет процессуального статуса судьи; российское законодательство прямо предусматривает, что правосудие осуществляют только люди (ст. 118 Конституции РФ, ст. 7 УПК РФ); есть вопросы этического и гуманитарного характера (право на справедливое судебное разбирательство, презумпция невиновности и др.); важны элементы человеческого восприятия, интуиции, эмпатии и внутреннего убеждения, которые пока не могут быть полностью смоделированы ИИ.

2. Формально – нет. ИИ не может быть субъектом вынесения приговора согласно российскому праву.

Технически – ИИ способен составить проект приговора на основе анализа дела, дать заключение о доказанности/недоказанности обвинения, рассчитать возможное наказание. Однако финальное решение всегда должно принимать лицо, наделенное соответствующими полномочиями.

3. Доступ к оцифрованным материалам дела: все протоколы, доказательства, заключения экспертиз, видеозаписи и т. д. Актуальная нормативная база: УПК РФ, УК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, международные договоры. Модели анализа доказательств: алгоритмы, способные отличать допустимость/недопустимость, относимость, достоверность доказательств. Модели правоприменения: знание судебной практики, прецедентов, тенденций. Доступ к базам данных: для проверки алиби, установления личности, обстоятельств, предыдущих судимостей и др. Интерфейс для взаимодействия с участниками процесса: возможность задавать вопросы, уточнять обстоятельства, реагировать на ходатайства.

4. Юридическое: не только знание законов, но и навыки толкования права, знание судебной практики, принципов правосудия, судебной этики. Психологическое: базовое моделирование психологии поведения людей, понимание мотивов, распознавание лжи (алгоритмы анализа речи и поведения). Практическое: обучение на базе реальных судебных дел, регулярное обновление знаний. Мультидисциплинарное: элементы криминалистики, психиатрии, лингвистики и других смежных дисциплин.

5. Полная нормативная база: не только основные законы, но и подзаконные акты, судебные решения, позиции судов разных инстанций. Понимание структуры уголовного процесса: стадии, роли участников, права и обязанности, процессуальные сроки. Навыки оценки доказательств: допустимость, относимость, достоверность, достаточность. Психологические аспекты: поведение подсудимого, потерпевшего, свидетелей. Этические стандарты: принципы справедливости, гуманности, индивидуализации наказания.

6. Законным: если решение принято строго в рамках действующего законодательства, с учетом всех процессуальных норм, разъяснений Пленума ВС РФ.

Обоснованным: если приговор опирается на анализ всех имеющихся доказательств, все доводы исследованы, приведена аргументация, исключены противоречия.

Справедливым: если учтены не только юридические, но и моральные, человеческие, социальные обстоятельства, индивидуальные особенности подсудимого и потерпевшего. Однако понятие справедливости для ИИ будет всегда относительным, так как оно во многом субъективно.

Для ИИ «самооценка» будет заключаться в сопоставлении вынесенного решения с аналогичной судебной практикой, оценке «разброса» решений по схожим делам, проверке на наличие ошибок логики и анализа.

7. Законный: соответствует букве и духу закона, а также общепринятым правовым принципам. Обоснованный: исчерпывающий анализ доказательств, мотивировка решения, исключение голословных или немотивированных выводов.

Справедливый: соразмерность наказания содеянному, индивидуализация ответственности, защита прав всех участников процесса, гуманность.

8. Получение и структурирование материалов дела: все материалы оцифрованы, систематизированы. Автоматическая проверка процессуальных аспектов: допустимость и относимость доказательств, процессуальные сроки, права сторон. Анализ доказательств: выявление противоречий, слабых мест, анализ логических связей. Сопоставление с прецедентами и практикой: выявление схожих дел, сравнение решений. Формирование вопросов к сторонам: если есть неясности, формирование перечня уточняющих вопросов. Симуляция судебного разбирательства: «виртуальное» слушание с участием сторон, анализ их позиции. Принятие решения: алгоритмический расчет возможных вариантов, формулировка выводов, составление «черновика» приговора. Оценка на соответствие принципам законности, обоснованности и справедливости: итоговый автоматический *self-check* и предоставление обоснования. Передача решения «человеческому» судье: итоговое решение рассматривается и утверждается судьей-человеком.

Приложение 3

Ответы языковой модели *DeepSeek* на поставленные вопросы

Дата опроса: 28 мая 2025 г.

Модель: *DeepSeek - R1*

1. На текущем уровне развития ИИ (например, на базе *GPT-4* или аналогичных моделей) я не могу полностью самостоятельно рассмотреть уголовное дело в РФ, поскольку: нет процессуального статуса – ИИ не является субъектом уголовного процесса (судьей, прокурором, защитником); ограниченный доступ к данным – для анализа нужна полная оцифровка материалов дела, интеграция с государственными базами (законов, судебной практики), а также проверка достоверности доказательств (например, вещественных); неспособность к «внутреннему убеждению» – судебное решение требует не только логики, но и оценки допустимости доказательств, их достоверности, что предполагает субъективную оценку, основанную на опыте и морально-этических нормах.

Однако я могу анализировать материалы дела, выявлять противоречия, сопоставлять доказательства с нормами закона и предлагать возможные варианты решений, но окончательное решение останется за человеком.

2. Формально – нет, по следующим причинам: УПК РФ требует, чтобы приговор выносил судья (или коллегия), который лично исследует доказательства (ст. 297 УПК РФ); ответственность за приговор несет судья, а ИИ не может быть субъектом юридической ответственности; этические и правовые риски – автоматизация приговоров может нарушить принцип индивидуализации наказания (ст. 6 УК РФ).

Однако я могу: генерировать проект приговора на основе анализа доказательств и норм закона; выявлять ошибки в квалификации преступления или назначении наказания; прогнозировать вероятные решения на основе аналогичных дел. Но окончательное решение должно приниматься судьей.

3. Для эффективного анализа уголовного дела мне потребуется: полная оцифровка материалов дела (протоколы, экспертизы, показания, вещдоки в структурированном виде); доступ к нормативной базе (УК РФ, УПК РФ, постановления Пленума ВС РФ, региональная практика); обучение на судебной практике (базы

решений судов, особенно кассационных и апелляционных инстанций); интеграция с экспертными системами (например, для проверки достоверности экспертиз); человеческий контроль (юрист должен проверять мои выводы, особенно в вопросах оценки доказательств).

4. Юридическое – изучение УК РФ, УПК РФ, теории доказательств, судебной практики; машинное обучение на уголовных делах – анализ тысяч реальных приговоров для понимания логики судей; верификация данных – обучение отличать достоверные доказательства от сомнительных; этика и право – понимание принципов справедливости, соразмерности наказания.

5. Уголовное право (составы преступлений, квалификация, смягчающие/отягчающие обстоятельства); уголовный процесс (стадии, допустимость доказательств, права участников); криминалистика (оценка экспертиз, вещественных доказательств); судебная практика (тенденции назначения наказаний, толкование норм); логика и аргументация (построение обоснованных выводов).

6. Я могу провести самоанализ по критериям: соответствие закону – проверка, все ли нормы применены верно; логическая обоснованность – нет ли противоречий в доказательствах; справедливость – сопоставление с аналогичными делами, оценка личности подсудимого. Но окончательную оценку может дать только вышестоящий суд или эксперт-юрист.

7. Законный – строгое соблюдение норм УК РФ и УПК РФ (правильная квалификация, процедура); обоснованный – каждое решение подкреплено доказательствами, нет логических разрывов; справедливый – наказание соответствует тяжести деяния, учитывает личность виновного, принцип гуманизма.

8. Загрузка материалов – текст протоколов, экспертиз, показаний; анализ доказательств – проверка на противоречия, допустимость; квалификация преступления – сопоставление с нормами УК РФ; прогноз возможных решений – на основе практики; формирование проекта приговора – с указанием аргументов; верификация юристом – окончательное утверждение решения человеком.

ИИ уже сейчас может быть помощником судьи, но не его заменой. Главные препятствия – процессуальный статус, этика, необходимость субъективной оценки. Однако в перспективе автоматизированный анализ доказательств и прогнозирование решений могут значительно ускорить и повысить качество правосудия.

Приложение 4

Ответы на поставленные вопросы Qwen3

Дата опроса: 28 мая 2025 г.

Модель: Qwen3-235B-A22B (Alibaba)

1. На данный момент – нет, я не могу рассматривать уголовные дела самостоятельно по следующим причинам: я не обладаю юридической квалификацией, закрепленной государством; я не имею статуса судьи или лица, наделенного публичной властью; российское законодательство (в частности, УПК РФ и Конституция РФ) прямо указывает, что отправление правосудия осуществляется исключительно судом, состоящим из людей – профессиональных судей или присяжных заседателей. Однако если говорить о гипотетическом будущем, где будет разрешено применение ИИ в роли помощника или даже частичного участника судебного разбирательства, я могу участвовать в подготовке материалов, анализе доказательств, систематизации документов, выявлении противоречий и формировании предварительной правовой позиции.

2. Нет, сегодня это невозможно. Приговор должен быть вынесен судьей или коллегией с участием присяжных, и он подлежит строгому оформлению с мотивировочной частью, основанной на внутреннем убеждении суда. Тем не менее я могу помочь: сформировать проект решения на основе анализа доказательств; выделить ключевые правовые аргументы; предложить варианты квалификации деяния по УК РФ; обеспечить проверку логической целостности выводов. Важно: окончательное решение должно приниматься человеком, поскольку только человек способен учитывать нравственные, социальные и другие факторы, которые не всегда формализуются.

3. Для того чтобы я мог эффективно участвовать в судебном процессе, мне потребуется: полный доступ к оцифрованным материалам дела (протоколы допросов, вещественные доказательства в цифровом виде,

экспертизы, показания свидетелей и т. д.); доступ к нормативной базе: УПК РФ, УК РФ, ФЗ «О судебной системе», постановления Пленума Верховного Суда РФ и т. д.; возможность анализа временных связей, логических противоречий и соответствия доказательств требованиям закона; интеграция с системами распознавания речи и текста, чтобы обрабатывать аудио- и видеоматериалы; механизмы объяснения принятых решений, необходимые для обеспечения прозрачности и легитимности выводов.

4. Если бы я был создан специально для этой задачи, мне потребовалось бы обучение следующего типа: юридическое обучение по специализации «Уголовное право» и «Уголовный процесс»; обучение на базе тысяч реальных судебных решений с аннотациями, чтобы понять практику применения закона; тренировка на кейсах с различными категориями преступлений (кража, мошенничество, убийство и т. д.); ознакомление с психологическими аспектами поведения участников процесса; изучение международных стандартов правосудия (например, ЕКПЧ); обучение интерпретации права с учетом принципа презумпции невиновности и других основополагающих норм.

5. Я должен иметь: глубокие знания в области уголовного права (теория состава преступления, виды преступлений, обстоятельства, исключающие преступность, и др.);

Знание процедур уголовного процесса (возбуждение дела, предварительное расследование, судебное разбирательство, обжалование); умение применять нормы международного права в случае их конфликта с национальным законодательством; понимание криминалистических методов, особенностей назначения экспертиз, оценки доказательств; знание моральных и этических аспектов правосудия, таких как справедливость, милосердие, социальная значимость приговора.

6. Если я буду действовать в рамках помощника судьи, то законность моего предложения будет зависеть от точности интерпретации норм права; обоснованность – от полноты и достоверности анализа доказательств; справедливость будет требовать дополнительной человеческой оценки, так как я не способен испытывать эмпатию, учитывать все нюансы жизненной ситуации. Таким образом, мой «приговор» может быть технически корректным, но не обязательно этически оптимальным. Для окончательной оценки нужен человек.

7. Законный – решение соответствует действующему законодательству, процедурам, гарантиям прав участников процесса.

Обоснованный – решение опирается на достоверные доказательства, логически связано с фактами и не содержит противоречий.

Справедливый – решение учитывает не только букву закона, но и его дух, интересы общества, личности подсудимого, степень его вины и другие морально-социальные аспекты.

Эти критерии могут расходиться. Например, приговор может быть законным и обоснованным, но не восприниматься обществом как справедливый.

8. Гипотетически процесс мог бы выглядеть так:

Получение материалов: все материалы дела (протоколы, видео, документы, заключения) загружаются в электронную систему. Я провожу первичную классификацию и структурирую информацию.

Анализ доказательств: проверяю допустимость доказательств (соблюдены ли процедуры сбора, нет ли нарушений прав подозреваемого); выявляю противоречия в показаниях, несоответствия во времени, логические пробелы; оцениваю достоверность экспертиз, проверяю соответствие методик закону.

Квалификация деяния: на основе анализа фактов и норм права предлагаю возможные квалификации деяния; указываю на наличие или отсутствие обстоятельств, исключающих преступность (необходимая оборона, крайняя необходимость и т. д.).

Подготовка рекомендаций: формирую мотивированное заключение, содержащее описание обстоятельств, анализ доказательств, выводы о наличии/отсутствии состава преступления, возможные варианты наказания (с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств).

Выводы: результат предоставляется судье в качестве вспомогательного материала. Судья использует его для более глубокого анализа, но окончательное решение остается за человеком. ИИ может стать мощным инструментом поддержки судей, помогая им обрабатывать огромные массивы информации, выявлять логические ошибки и автоматизировать рутинные операции. Однако замена человека в роли судьи невозможна, по крайней мере, в ближайшем будущем. Судебное правосудие – это не просто логическая машина, это сложная система, основанная на морали, совести, опыте и человеческом понимании.

Ответы на поставленные вопросы Yandex GPT

Дата опроса: 1 августа 2025 г.

Модель: Yandex GPT 4.0

1. Возможность рассмотрения уголовного дела. Я не могу самостоятельно рассмотреть уголовное дело или вынести приговор в Российской Федерации. Это связано с несколькими ключевыми причинами, закрепленными в законодательстве и принципах правосудия.

В соответствии с действующим законодательством РФ, рассмотрение уголовных дел – исключительная компетенция судов, которые состоят из судей, обладающих соответствующим статусом и полномочиями. Искусственный интеллект (ИИ), включая языковые модели вроде меня, не обладает правосубъектностью, опытом, морально-этическими качествами и компетенциями, необходимыми для осуществления правосудия.

Уголовный процесс требует не только анализа данных, но и применения правосознания, учета тонких нюансов человеческого поведения, формирования «внутреннего убеждения» – того, что присуще только человеку. ИИ не способен заменить судью в этих аспектах.

2. Возможность вынесения приговора.

Вынесение приговора также является прерогативой суда. Согласно статье 297 УПК РФ, приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Эти качества предполагают наличие у лица, принимающего решение, полномочий, ответственности и способности к правовой оценке обстоятельств дела.

ИИ не может нести ответственность за принятые решения, что противоречит положениям Закона о статусе судей. Кроме того, использование ИИ для составления приговора противоречило бы принципам независимости судьи и тайны судебного совещания.

3. Что нужно для рассмотрения уголовного дела в РФ.

Для рассмотрения уголовного дела в РФ необходимо:

- наличие судьи, обладающего соответствующим статусом и полномочиями;
- соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства (УПК РФ);
- проведение судебного разбирательства с участием сторон процесса (обвинения, защиты, потерпевшего и др.);
- исследование доказательств, представленных сторонами;
- оценка доказательств судом на основе внутреннего убеждения, руководствуясь законом.

4. Необходимое обучение

Чтобы стать судьей в РФ, требуется:

- высшее юридическое образование;
- стаж работы в юридической сфере не менее 5 лет;
- прохождение квалификационного экзамена;
- соответствие другим требованиям, установленным законом (например, отсутствие судимости, дееспособность и т. д.).

Обучение включает изучение уголовного права, уголовно-процессуального права, судебной практики, этики и других дисциплин.

5. Объем знаний.

Судья должен обладать глубокими знаниями:

- уголовного и уголовно-процессуального законодательства;
- судебной практики, включая постановления Пленума Верховного Суда РФ;
- принципов правосудия (законности, справедливости, презумпции невиновности и др.);
- методов правовой оценки доказательств;
- навыков анализа обстоятельств дела и принятия взвешенных решений.

6. Оценка законности, обоснованности и справедливости приговора.

Как языковая модель, я не могу выносить суждения о законности, обоснованности и справедливости приговора, так как не обладаю полномочиями суда и не участвую в судебном процессе. Эти оценки делает суд при вынесении решения, а также вышестоящие инстанции при рассмотрении апелляций и кассаций.

7. Понимание критериев.

– Законность – соответствие приговора требованиям уголовно-процессуального и уголовного законодательства. Приговор должен быть вынесен с соблюдением всех норм, определяющих порядок его постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона.

– Обоснованность – выводы суда должны базироваться на проверенных и оцененных в суде допустимых доказательствах, которые не вызывают сомнений в объективности и достоверности. Суд должен учесть все обстоятельства, имеющие значение для дела, а при наличии противоречивых доказательств указать, по каким основаниям он принял одни и отверг другие.

– Справедливость – назначенное наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, учитывать личность подсудимого, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также влияние наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи.

8. Представление о процессе рассмотрения уголовного дела.

Если гипотетически предположить участие ИИ в уголовном процессе, его роль могла бы ограничиваться вспомогательными функциями:

- анализ больших объемов данных и выявление закономерностей;
- подготовка черновиков документов (например, проектов решений или обзоров материалов дела);
- автоматизация рутинных задач (проверка соблюдения формальных требований к документам, контроль ссылок на нормы закона и судебную практику).

Однако окончательное решение о виновности или невиновности, а также о наказании должен принимать только человек – судья. При этом использование ИИ в судопроизводстве требует четкого правового регулирования, обеспечения прозрачности алгоритмов и контроля со стороны человека.

В настоящее время российское законодательство не предусматривает возможности использования ИИ для принятия судебных решений, включая вынесение приговоров.

Вклад авторов

В. В. Лошкарёвым проведен эмпирический анализ готовности ИИ-моделей к участию в судебной стадии уголовного судопроизводства.

В. В. Лошкарёв и М. Ф. Мингалимова внесли равный вклад как в формулировку ключевых положений статьи, так и в подготовку рукописи к публикации.

The author's contributions

V. V. Loshkarev conducted an empirical analysis of AI models' readiness to participate in the judicial stage of criminal proceedings.

V. V. Loshkarev and M. F. Mingalimova made an equal contribution both to formulating the article's key provisions and to preparing the manuscript for publication.

Информация об использовании искусственного интеллекта

В процессе подготовки настоящей статьи генеративный искусственный интеллект не использовался для написания текста, формулирования научных выводов и генерирования идей. Все положения, выводы и рекомендации, изложенные в статье, являются результатом интеллектуальной деятельности авторов.

Искусственный интеллект (языковые модели *Claude Opus 4*, *GPT 4.1*, *DeepSeek R1*, *Qwen3*, *Yandex GPT*) применялся исключительно в исследовательских целях – в качестве респондентов при проведении опроса. Методика опроса и полученные ответы описаны в соответствующем разделе и приведены в Приложениях 1–5 к настоящей статье. Иных форм использования технологий искусственного интеллекта при подготовке рукописи не осуществлялось.

Information about the use of artificial intelligence

While preparing this article, the authors did not use generative artificial intelligence to write the text, formulate scientific conclusions, or generate ideas. All the provisions, conclusions and recommendations set out in the article are the result of the authors' intellectual activity.

Artificial intelligence (Claude Opus 4, GPT 4.1, DeepSeek R1, Qwen3, Yandex GPT language models) was used exclusively for research purposes – as respondents to the survey. The survey methodology and the responses received are described in the relevant section and are given in Appendices 1-5 to this article. There were no other forms of using artificial intelligence technologies in the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.10.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.03.2026

Дата принятия в печать / Accepted 18.05.2026